

АНАТОЛИЙ РОМОВ
**БЕШЁНЫЙ
КУШ**

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Анатолий Сергеевич Ромов
Бешеный куш
Серия «Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17407970

Анатолий Ромов «Бешеный куш», роман. Серия «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». Литературно-художественное издание. Для возрастной категории 16+: ЗАО

Издательство Центрполиграф; Москва; 2016

ISBN 978-5-227-05775-4

Аннотация

Шикарная топ-модель в качестве приманки и «мерседес», несущийся на кладбище... Именно к таким изощренным способам устранения преуспевающего финансового магната прибегают его конкуренты. После нескольких покушений на миллиардера, когда ему лишь чудом удалось избежать смерти, он решает нанять для собственной охраны бывшего агента ГРУ Юрия Седова. В задачу Седова входит выявление «заказчиков» банкира. В ходе расследования он убеждается, что в окружении финансиста находится оборотень.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	80
Глава 10	88
Глава 11	96
Глава 12	100
Глава 13	105
Глава 14	124
Глава 15	134
Глава 16	151
Глава 17	157
Глава 18	168
Глава 19	176
Глава 20	180
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Анатолий Ромов

Бешеный куш

Глава 1

Озеро впереди было покрыто туманом, над камышами стояла тишина. Где-то на свободной воде, сразу у камышей, плеснула рыба. Было отчетливо слышно, как булькнула вода, после чего рыба щелкнула хвостом и ушла. Вокруг снова стало тихо.

Седов посмотрел на часы. Половина шестого. Ясно, спать он уже не сможет. Но и дел, если не считать зарядки, рубки дров и приготовления еды, у него сегодня нет никаких. Впереди пустой день. Остается ждать Гущина, который обещал приехать пораньше. Возможно, начальник отдела сегодня заберет его отсюда.

Официально его пребывание здесь, в ведомственном домике ГРУ, стоявшем на отшибе на берегу озера Сенеж, именовалось оперативным дежурством. Но уже на второй день он понял: делать здесь ему совершенно нечего.

Вообще-то он догадывался, что после телеграммы, сообщившей о гибели Аллы, Гущин послал его сюда специально. Но он знал себя. Безделье, даже в таком прекрасном месте, как Сенеж, ему не поможет. Спасти его сможет только рабо-

та.

Подойдя к озеру, присел на корточки, плеснул в лицо водой. Подумал: осень только начинается, но ночной холод уже дает себя знать. Скоро начнутся заморозки, а потом вообще прощай, лето.

Сел на пенек у самой воды. Вдали, сразу за озером, небо постепенно начинало светлеть. Пожалуй, это было самое важное лето в его жизни. А пролетело оно, это лето, для него молнией, штормом, свинцовым дождем.

Узкая, растянувшаяся во весь горизонт полоса рассвета была сверху свинцово-серой, потом в нее начинали вплетаться розовые клочки, внизу же шла тонкая, темная до густоты малиновая полоса. Он вспомнил, как они с Аллой сидели в Маскате в открытом кафе рядом с аэровокзалом. Именно тогда она призналась ему, что она американка, гражданка США. И именно тогда он сделал ей предложение – на которое она ответила согласием.

Неужели от лета ничего не осталось? Ничего, совершенно ничего?

Ведь самым главным, что произошло этим летом, была любовь. Он встретил Аллу и полюбил ее. Она тоже полюбила его. Они должны были пожениться, он ждал от нее звонка или письма, чтобы вылететь в Нью-Йорк.

Но телеграмма, сложенная вчетверо бумажка, которую несколько дней тому назад почтальон положил в его почтовый ящик, сообщила: Аллы больше нет. Она погибла. Ма-

шина, которую вела Алла, столкнулась лоб в лоб с вылетевшим на встречную полосу трейлером.

Он не может смириться с этой мыслью. И никогда не сможет.

Как же все началось... Все началось с Новороссийска, с авианесущего крейсера «Хаджибей». Вполне боеспособный крейсер, формально проданный на металлолом Ирану, был обречен – потому что командир корабля, капитан 1-го ранга Леонид Петраков, и главный криптограф, капитан 3-го ранга Владимир Лапик, вступили в сговор с коррумпированными чинами Министерства обороны и правительства. В трюмы крейсера было загружено на миллиард долларов новейшего вооружения, включая самолеты и вертолеты палубного базирования. Все это вооружение еще до выхода крейсера в море было тайком продано международной фирме «Истерн интерконтинентал», в Иране фирма собиралась перегрузить новейшую боевую технику на свои транспорты.

Ему удалось попасть на крейсер. Удалось чудом, только потому, что еще раньше он попал на яхту «Алка». И там, на «Алке», встретил Аллу. И Глеба Довганя, владельца яхты.

Он как шкотовый матрос на яхте работал с Аллой бок о бок. Когда они спали в каюте в метре друг от друга, он слышал ее дыхание. Уже тогда он знал, что любит Аллу. Знал – но старался не думать о ней, делал все, чтобы о ней забыть. Ведь Алла и Довгань были любовниками, он это видел. Он был уверен, они любят друг друга.

Но потом, когда они втроем – он, Довгань и Алла – попали на крейсер, она сама призналась, что любит только его, Седова. Тем не менее, добавила она, до момента, когда крейсер придет в Бендер-Аббас, она останется с Глебом. А потом исчезнет.

А потом... Потом, в Красном море, было нападение на крейсер, которое по заданию Анри Балбоcha организовал Луи Феро. Ведь тогда он, Седов, не знал, что «Хаджибей» еще до выхода в море стал яблоком раздора двух враждующих миллиардеров, Анри Балбоcha и Талаяти. Если точнее, яблоком раздора двух их секретарей, Луи Феро и Рустамбека.

Сейчас противостояние пар Балбоch – Феро и Талаяти – Рустамбек достигло пика. Концерн «Истерн интерконтинентал» вкупе с российским банком «Витязь» захватили все ключевые финансовые позиции в России. Единственной силой, способной им противостоять, остается живущий под Москвой Анри Балбоch с его миллиардами. Поскольку известно, что после смерти престарелого миллиардера его капиталы унаследует секретарь, люди Талаяти делают сейчас все, чтобы устранить Луи Феро. Об этом в ГРУ поступило уже несколько сигналов.

Тогда же, во время перегона крейсера «Хаджибей» в Иран, Феро по приказу Балбоcha нанял команду отборных командос, посадил их на сверхскоростные катера и дал задание захватить крейсер. Но команда крейсера при активной поддержке Довганя, Аллы и Седова отбила нападение и при-

вела крейсер в Иран. В Иране ему посчастливилось спасти «Алку» и ее экипаж от взрыва бомбы, спрятанной в корпусе. Он вышел на связь с Гущиным. С помощью морского спецназа им удалось спасти вооружение и взять Леонида Петракова с поличным. Во время всех этих событий погиб Глеб Довгань.

Да, им удалось спасти «Хаджибей» и все, что на нем было. Но в конце концов они с Гущиным проиграли.

Сбежавший с крейсера Владимир Лапик попал в Москву раньше, чем они. Начал он с того, что, едва успев сойти с самолета, в квартире выстрелом в затылок убил ставшего теперь опасным свидетеля, своего давнего приятеля, криптографа ГРУ Лашкова. Лашков выдавал Лапику все проходившие через него секреты, но теперь должен был замолчать навсегда. Затем, встретившись с отцом командира «Хаджибея», вице-премьером России Петром Петраковым, Лапик смог поставить все с ног на голову. Вместе с Петраковым-старшим он ухитрился выдать попытку вывезти в Иран новейшую боевую технику за секретное боевое задание, якобы полученное командиром корабля с целью проверить боеспособность экипажа одного из кораблей российских ВМС.

Уловка, придуманная Лапиком, была подтверждена документально и сработала. Преступники остались безнаказанными.

Сейчас они с Гущиным могут утешаться лишь тем, что с ними согласился сотрудничать важный свидетель, водитель

такси Балмаков. Именно Балмаков подвозил на своей машине Лапика, только что сошедшего с самолета в аэропорту Шереметьево, к дому Лашкова. После того как это стало известно ГРУ, алиби Лапика, тщательно выстроенное им, рухнуло.

Он, Седов, понимает: если им с Гущиным удастся с помощью показаний надежно спрятанного Балмакова разоблачить Лапика, рассыплется и вся выстроенная им вместе с вице-премьером Петраковым версия о «секретном задании», которое якобы получил крейсер «Хаджибей».

Верхняя свинцово-серая полоса рассвета начала постепенно захватывать все небо, нижняя же полоса, темно-малиновая, бывшая раньше узкой, как раскаленная проволока, расплзлась. Постепенно малиновое слилось с розовыми пятнами, и вскоре вся западная часть горизонта стала оранжево-красной.

Встав, Седов пошел к домику. Надо было управиться с хозяйственными делами и уборкой еще до приезда Гущина – чтобы, как только он появится, здесь не задерживаться.

Глава 2

Они сидели в кафе на четвертом этаже гостиницы «Метрополь». Заметив, как несколько мужчин исподтишка рассматривают Полину, Луи Феро подумал: смотреть есть на что. Девочка в самом деле выглядит восхитительно. Широко открытые серые глаза, пухлые губы, светлые волосы. Короткая прическа, сделанная в одной из лучших парикмахерских Москвы. Запах хороших духов. Ухожена, как королева. А ведь еще год назад она была одной из последних московских шлюшек, с которой спал, кто хотел.

Он взял лежащую на столе зажигалку-брелок, выбил пламя. К этой зажигалке, выполненной в виде крохотной модели автомобиля «порше» последней марки, были прикреплены ключи от его машины, и он к этой комбинации привык. Конечно, по идее полагалось прикреплять ключи от машины к коробочке ремоут-контроля, но Луи предпочитал ей «порше», а коробочку ремоут-контроля носил отдельно.

Крутанув пальцем одно из колес автомобильчика, после чего из выхлопной трубы «порше» вылетело пламя, Луи прикурил и сказал:

– Ласточка, с кофе покончено?

Она посмотрела в упор:

– Луи, мне нужно в одно место.

– Так иди. Какие проблемы?

– Да... Я уйду, а ты уедешь без меня.

Затянувшись, оглядел ее.

– Перестань. Никуда я не уеду.

– Точно?

– Точно. Впрочем, не знаю. Посмотрю на твое поведение.

– Противный... – Быстро схватив со стола брелок, спря-
тала его в сумочку. – Вот назло возьму твои ключи. Сиди,
пока я не вернусь.

– Слушай... Что за шутки? Отдай ключи.

– Потерпишь. – Она встала из-за стола и пошла к выходу.
На ней было короткое, в обтяжку, с поперечными бело-чер-
ными полосами платье, выгодно подчеркивающее ее фигу-
ру. Заметив, как мужчины поворачивают вслед ей головы,
Луи усмехнулся. Зрелище стоит того, чтобы крутить шеей,
ходить она умеет.

После того как Полина исчезла, подумал: кажется, ему
тоже не мешает зайти в туалет. Поднял руку. Подошедшая
официантка посмотрела вопросительно.

– Раечка, если девочка вернется раньше меня, скажи, я
отлучился на секунду.

– Хорошо.

– И не убирай пока кофе, мы еще не ушли.

– Конечно.

Входя в туалет, заметил какое-то насторожившее его дви-
жение у спуска на лестницу. Сам не понял, почему оно его
насторожило. Но он всегда чувствовал опасность кожей и

сейчас сказал себе: похоже, угроза есть. Мышцы инстинктивно напряглись. Тут же усмехнулся: чушь. Здесь, в «Метрополе», он может ничего не бояться. Какой сумасшедший решится полезть на него с ножом или пистолетом в этом месте, да еще утром? Разве что какая-нибудь шелупонь. Но шелупонь сюда не ходит. Серьезные же люди знают: на него работает Чал, пахан солнцевской группировки. И знают, что с Чалом, перед которым дрожит вся Москва, лучше не шутить.

Сделав свое дело и застегивая ширинку, услышал: дверь открылась. Однако в туалет никто не вошел. Помыл руки, вытер их несколькими бумажными салфетками. Услышав сигнал сотового телефона, достал из кармана трубку:

– Да?

Звонил Рудольф Гутин, начальник охраны Балбоча:

– Луи, это Рудик. Ты где?

– В «Метрополе», а ты где?

– На даче. Что сейчас делаешь?

– Собирался поехать по Москве. Что-нибудь случилось?

После некоторой паузы Рудольф сказал:

– Тут... со стариком.

– Со стариком?

– Да. Может, ничего опасного нет. Но, думаю, тебе лучше приехать.

– Хорошо. Я еду.

Вернулся к столику, расплатился с официанткой. Закурил

– и в это время Полина, войдя в кафе, направилась к нему.

Наблюдая, как она идет, подумал: удивительно, до чего она изменилась за последний год. Когда он впервые увидел ее в Москве, она была никем. Провинциальной девчонкой, неопытной, ничего не знающей, одной из тысяч, которые, приезжая сюда, попадают в лапы сутенеров и уже не могут из этих лап вырваться. Сейчас же она стала уверенной в себе, красивой, раскованной женщиной, умеющей в любом месте держаться с достоинством.

Год назад она попала к Чике, в «Балчуг». Чика делал с ней что хотел. Он помнит, что впервые услышал о Полине от Липницкого, – приехав к Балбочу, тот рассказал про случай, когда он откупил Полину у Чики на ночь, чтобы подложить ее под какого-то придурка из Главморштаба. Именно этот придурок спьяну и проболтался о выходе в море «Хаджибея».

Видно, в Полине было что-то такое, против чего не смог устоять сам Липницкий. Прошло время, и он втюрился в Полину, да так, что заплатил Чике, чтобы тот отпустил ее. А это деньги немалые. Потом, примерно полгода назад, Луи понял, что сам хочет сойтись с Полиной. После того как это случилось, он купил ей квартиру, машину. И вот сейчас, глядя, как она идет к его столику, понимает: он не прогадал.

Сев за столик, Полина посмотрела на него:

– Ты что?

– Ничего.

- Ты как-то странно смотришь.
- Тебе показалось. Слушай, давно хотел спросить – сколько тебе лет?
- Что это ты вдруг? Раньше не додумался?
- Не додумался. Мы сколько уже вместе, а я в твой паспорт и не заглядывал.

Пожала плечами:

- Мог бы и заглянуть. Я свой возраст пока не скрываю.
- Восемнадцать хоть тебе есть?
- Ты бы мне еще пятнадцать дал.
- Год назад ты примерно так и выглядела. На пятнадцать.
- Луи, у меня просто такой тип лица. Молодежный. А так – я уже старуха.
- И сколько же старухе?

Достала из сумочки помаду и зеркальце, подвела губы. Спрятав, сказала:

- Старухе двадцать один. Устраивает?
- Устраивает. Ладно, пошли.

Недовольно закатив глаза, встала. Когда они подошли к ее «тойоте», припаркованной на платной стоянке, он сказал:

- Сейчас разбегаемся.
- Разбегаемся?
- Да. Позвонил Рудик, мне нужно срочно ехать к старику.

Надула губы:

- Я как чувствовала, что ты куда-то уедешь. Давай я с тобой поеду? Твой старик меня там даже не увидит.

– Ласточка, не стоит. В последнее время он стал совсем плох. Мало ли что. Вечером я вернусь.

– Знаю я твое «вечером».

– Полина... Чем скорей я уеду, тем раньше мы увидимся.

– Я провожу тебя до твоей машины?

– Не надо. Найди, чем пока заняться. Вечером встретимся.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Смотри. – Сдула с ладони поцелуй. – Чао.

– Чао. – Он, двинувшись в глубину стоянки, к желтой «ауди», достал из кармана коробочку ремоут-контроля. Нажал кнопку. Пискнул сигнал, он открыл дверь, сел за руль. Машинально полез в карман за ключами, тут же вспомнил: ключи остались у Полины. Выругавшись, обернулся. Не хватало еще, чтобы она уехала с его ключами. Увидел: именно в этот момент Полина уже садится в «тойоту».

Выскочив из машины, крикнул «Полина!», рванулся изо всех сил. Звук, раздавшийся сразу же вслед за этим, был таким сильным, что он практически его не услышал. Что-то ударило по голове, он почувствовал, что оглох и летит по воздуху. Состояние, в котором он вдруг оказался, было настолько неожиданным, что он почти не ощутил боли, когда во время этого полета что-то резко ударило его сначала в бедро, потом в спину.

Лишь упав на землю и ощутив запах крови, смог уплыва-

ющим сознанием уцепиться за мысль: это взрыв. Взорвалась «ауди». Его «ауди».

Глава 3

Первым, что увидел Луи, открыв глаза, было лицо Полины.

Оно было где-то далеко, ему казалось, оно уплыло, как воздушный шар, к потолку комнаты и слабо качается. Трудно шевелить головой. В чем же дело?... Вот в чем: голова забинтована.

Ощутил запах лекарств. Вспомнил: взрыв. Его машину взорвали. Он в больнице.

Спросил, а точнее, попытался спросить: «Где я?» Услышав звук собственного голоса, хриплого и слабого, испугался. Он не может говорить.

Заметив, что он на нее смотрит, Полина пригнулась:

– Луи... Как ты себя чувствуешь?

– Еще не знаю. Где я?

– В больнице.

– Кажется, взорвалась моя «ауди»?

– Да, взорвалась твоя «ауди».

– Вообще, что со мной?

– Тебе сделали операцию. Под общим наркозом. – Покосилась. – У палаты в коридоре дежурит милиционер. Ждет, когда ты придешь в себя.

Все, что произошло, восстановилось в памяти до последней мелочи. Он вспомнил, как выскочил из машины, чтобы

взять у Полины ключи. Как в этот момент машина у него за спиной взорвалась. Как потом он отключился.

– Так что с милиционером? – спросила Полина. – Сказать ему что-нибудь?

– Забудь о милиционере. Меня сильно покалечило?

– Нет. В тебя попали куски машины.

– Куски машины?

– Да. В спину и в ногу. И общая контузия. Тебе сделали операцию, удалили осколки. Врачи говорят, тебе повезло. Вообще, они говорят, с тобой все будет в порядке.

Некоторое время он повторял про себя ее слова. Врачи сказали, что с ним все будет в порядке. Вряд ли она сказала бы это, если бы это было не так.

– А с тобой-то все в порядке?

– Да. – Всхлипнула. – Я же сидела в машине.

– Какая это больница?

– Кремлевка.

– А как тебя пустили ко мне?

– Я сказала, я твоя родственница.

– Ты здесь одна? В смысле, кто-то еще здесь есть? Из знакомых?

– Чал. Полежал, собираясь с силами. Трудно говорить, это плохо.

– Чал? Как он здесь оказался?

– Я позвала.

– Ты?

– Да. Я сразу же позвонила Чалу. Сразу же, как... – Всклипнула. – Как... – Достав платок, начала вытирать слезы. – Я боялась, что они... тебя... снова...

– А где он?

– Ждет внизу, в машине. – Спрятала платок. – Он не хочет, чтобы его видела милиция.

– Правильно делает. Ладно, позови этого мента. А потом позови Чала.

– Сейчас...

Полина исчезла, и почти тут же на ее месте оказался старший лейтенант милиции. Сев и достав ручку и блокнот, он начал задавать вопросы. Луи отвечал коротко. Коротко ответил и на главный вопрос: знает ли он, кто мог бы взорвать его машину. Нет, он не знает.

* * *

Вскоре после ухода милиционера появился Чал. Усевшись на стул, спросил:

– Что было нужно мусору?

– Ничего. Обычные вопросы.

– Вообще, как ты?

– Сам пока не пойму. Полина сказала, была операция?

– Была.

– И что? Чал достал платок, вытер пот.

– Врачи говорят, все будет в порядке. – Спрятал платок. –

Как все получилось?

– Откуда я знаю...

– Вспомни, что было перед самым взрывом.

Луи попытался вспомнить, что же именно произошло перед взрывом.

– Да говори, говори, – сказал Чал. – Все равно вместе будем разбираться.

– Перед тем как я сел в машину... Утром, в кафе... Полина забрала у меня ключи...

– Какие ключи?

– Брелок-зажигалку с ключами. Связку. Там были и ключи от машины.

– Зачем забрала?

– В шутку... Просто дурачилась. А я об этом забыл... Вспомнил, только когда сел в машину... Вышел, чтобы взять у нее ключи... Ну и... рвануло...

– Любопытно получилось. – Чал задумчиво потер ладонью щеку. – Выходит, ключи тебя спасли.

– Выходит. Если б я не вышел, чтоб взять их у Полины, меня б уже не было.

– Получается, они следили за тобой.

– Следили?

– Конечно. И когда увидели, что ты выходишь из машины, подумали, ты догадался. И нажали кнопку.

– Кто «они»?

– Не знаю. Будем думать. Кто-то, кому ты мешаешь.

– А кому я мешаю?

– Кому-то, у кого столько же бабок, сколько у Балбоcha.

Столкьо же бабок, сколько у Балбоcha. Чал рассуждает правильно. В общем, он, конечно, знает, у кого из тех, кто вертится в Москве по-крупному, примерно столько же денег, сколько у Балбоcha. У людей Талаяти. Главный из них – Рустамбек. И он сейчас как раз в Москве.

Значит, Рустамбек. Возможно. Он знает, Рустамбек дорого бы дал, чтобы его уничтожить.

Подумал: да, как ни крути, все в конце концов упирается в эти деньги. И в «Росэнергобанк». Деньги Талаяти и «Росэнергобанк» в сочетании с выходом на премьер-министра, который этим людям обеспечивает вице-премьер, позволяют им делать здесь все, что они хотят. И если бы они убрали его, Луи, они бы стали здесь полновластными хозяевами.

– О чем думаешь? – спросил Чал.

– О том, у кого столько же бабок, сколько у Балбоcha.

– Ясно, у кого. У Рустамбека. Но ты об этом пока не думай. Надо понять, как они это сделали. И кто сделал. Попробуй вспомнить, что было перед взрывом.

– Да ничего не было.

– Где ты провел ночь?

– На Дорогомиловской. Вместе с Полиной.

– Где стояла твоя «ауди»?

– В гараже, в подвале.

– Кто охраняет гараж?

– Служба секьюрити дома. Надежные мужики. Я им плачу немало.

– Всех знаешь?

– Конечно. Снова машинально погладив ладонью щеку, Чал сказал:

– Ладно. Что могло случиться в этом гараже ночью, мы выясним. Вы сразу поехали в «Метрополь»?

– Сразу.

– В одной машине?

– Нет. Я в «ауди», Полина в «тойоте».

– Вы приехали в «Метрополь» – дальше?

– Поставили машины на стоянку. За углом, на пяточке. Где ставим всегда. Стоянку охраняют мусора. Я всем им плачу.

– Это ничего не значит. Ладно. Что было дальше? Что вы делали в здании?

– Поднялись на четвертый этаж, стали завтракать. Все.

– Во время завтрака ничего такого не заметил?

– Например?

– Ну там посторонних, незнакомых, чужих? Еще чего-нибудь?

– Да нет.

– Постарайся вспомнить. Может, что-то было?

Подумав, Луи сказал:

– Не знаю даже, стоит ли об этом говорить. После завтрака я зашел в туалет.

– Зашел в туалет – и что?

– Понимаешь... Может, мне показалось...

– Что показалось?

– Там кто-то крутился.

– Кто?

– Не знаю. Я тогда не обратил внимания. Кто-то стоял на лестнице. А когда я подошел – слинял. Потом, когда я уже зашел в туалет, кто-то открыл дверь. Но не вошел.

– Они тебя пасли. Бомба управлялась дистанционно.

– Думаешь?

– Факт. Они ждали момента, когда ты сядешь в машину, чтобы нажать кнопку. Но не ожидали, что в последний момент ты вдруг выскочишь. Что было после того, как ты вышел из туалета?

– Ничего. Если не считать, что мне позвонил Рудик.

– Позвонил – и что сказал?

– Сказал, что старику плохо. И что мне нужно подъехать.

– Старику – в смысле Балбочу?

– Да.

– Что ты сказал Рудику?

– Что еду.

– Дальше что?

– Дальше вернулся в кафе, расплатился и пошел к машине.

– А Полина?

– Она раньше меня пошла в туалет. Мы ушли почти вме-

сте, сначала она, потом я. Когда я вернулся, ее еще не было. Потом, примерно через минуту, она вернулась. Ну и мы вышли на улицу. Все.

Чал снова машинально погладил щеку.

– Что? – спросил Луи.

– Думаю.

– О чем?

– О Рудике. И о Полине. Они могут быть замазаны.

– Перестань.

– Почему нет?

– Исключено. Рудик не получил бы никакой выгоды от моей смерти. Полина тоже.

– Неизвестно. Проверь, в самом ли деле Балбочу на даче стало плохо.

– Чал... Ты же знаешь Рудика. Сам подумай, ему не было бы никакой мазы от моей смерти. Он только прогадал бы.

– Хорошо, оставим пока Рудика. Что насчет Полины?

– Полине тоже от моей смерти не было бы никакой мазы. Да и ты же видишь, она меня спасла.

– Это могло получиться случайно. Ты уверен, что Полина пошла в туалет?

– Куда еще она могла пойти?

– Мало ли.

– Хорошо, она пошла не в туалет, а куда-то еще – зачем? Кончай. Она говорит, когда я оказался здесь, она сразу позвонила тебе. Это так?

Чал несколько секунд разглядывал пол. Поднял глаза.

– Так. Ладно. Будем считать, что Рудик и Полина здесь ни при чем.

– Они ни при чем. Рудик у утренний звонок ничего не давал, я бы так и так уехал из «Метрополя». Я всегда уезжаю оттуда сразу после завтрака. Да и знаю я Рудика. Если бы он был как-то в этом замазан, он никогда бы не стал звонить именно в это время.

– Я тут привел двух своих пацанов, они подежурят. На всякий случай. Они будут меняться каждые восемь часов. А завтра с утра подойду сам. – Встав, Чал приоткрыл дверь. – Полину позвать?

– Позови.

Полина вошла в палату сразу после того, как ушел Чал. Села на кровать, взяла его руку.

– Как?

– Все в порядке. Давай иди. Я подремлю.

– Очень хорошо, что ты поспишь. Поспи.

– Считай, я уже сплю. Иди.

– Никуда я не пойду. – Он ощутил пожатие ее ладони. – Спи. Я буду здесь.

Глава 4

Выйдя из лифта, Седов подошел к двери. Нажал кнопку звонка.

У двери ему пришлось простоять около минуты, прислушиваясь к неустойчивой тишине на лестничной клетке. Откуда-то сверху доносилась музыка, еще где-то работала дрель, но эти звуки, сравнимые с комариным писком, были так тихи, что практически сливались с тишиной. Вспомнил об Алле, попытался подавить тоску. И не смог.

Наконец раздались шаги, звякнул замок. В открывшуюся дверь выглянул Гушин. Он был одет в ношенный серый костюм и голубую рубашку, черный галстук на рубашке был приспущен.

– Здравствуйте, Виктор Александрович, – сказал Седов. – По-моему, я вовремя?

Гушин некоторое время вглядывался в него. Казалось, он пытался понять, чего именно Седов от него хочет.

– Вовремя. Проходи. И посиди пока, я кое-что допишу.

Квартира, в которую вошел Седов, выглядела, как и предполагается конспиративному помещению, уныло-казенно. Подождав, пока Гушин сядет за стол в одной из комнат, Седов подошел к окну. Посмотрел вниз.

На этой явке, где Гушин назначил ему встречу, он был в первый раз. Но, как любой уважающий себя москвич, ме-

сторасположение дома знал отлично. Это был один из тихих уголков Замоскворечья, еще в юности исхоженный им вдоль и поперек.

С высоты третьего этажа хорошо просматривался занесенный упавшими листьями переулок, к которому был обращен фронтон. Здание напротив, в стиле «русский ампи́р», построенное не позже чем в начале двадцатого века, выглядело как игрушка. Сейчас в нем размещался какой-то офис. Фасад украшали виньетки, барельефы, оскаленные львиные морды, гарпии. Без сомнения, здание недавно обновили – барельефы и виньетки сверкают белизной, стены отливают нежным аквамавром. Рядом с парадной дверью виднеется надраенная до блеска медная табличка. Все как водится.

Подумал: погода отличная. Типичное бабье лето. Если бы Алла была жива, они могли бы вместе любоваться Подмосквем. Может быть, съездили бы на тот же Сенеж. Если бы Алла была жива... Нет, он не сможет смириться с ее смертью. Не сможет.

От мыслей его оторвал голос Гущина:

– Все, Юра, я закончил. Садись.

Сев в кресло, посмотрел на Гущина. Он знал, у полковника уже несколько недель тянутся служебные неприятности. Впрочем, этих неприятностей ждали все в отделе. Формально после истории с «Хаджибеем» все участники операции были отмечены благодарностью, но с момента, когда они вернулись из Ирана, кто-то сверху, из Генерального штаба, по-

стоянно капал на отдел. После каждого доноса Гущина вызывали к начальству, мучили проверками и в конце концов отложили присвоение очередного звания.

Встретив его взгляд, Гущин ответил гримасой:

– Плохи наши дела, а, Юра?

Пусть дела и плохи, подумал Седов, но нагнетать обстановку он не будет. Улыбнулся:

– Не понял, Виктор Александрович. Почему плохи?

– Да ладно тебе. Плохи, и все.

– Не знаю, о чем вы. Что-то случилось?

Гущин, ничего не ответив, пожал плечами. Выждав, Седов сказал:

– Мои дела, личные дела, действительно плохи, Виктор Александрович. И вы знаете почему. Но я, как видите, работаю.

– Я не о твоих делах, я о делах отдела. – Гущин сделал вид, что вглядывается в стол. Поднял голову. – Ты уже слышал от Хрулева?

– Слышал – о чем?

– О Балмакове?

– А что с ним?

– Он исчез.

– Исчез – когда?

– Вчера, в воскресенье.

Новость была неожиданной, ведь они твердо рассчитывали, что никаких неприятностей, во всяком случае в ближай-

шие полгода, с бывшим таксистом аэропорта Шереметьево не случится. Семья переехала в квартиру на Нижней Масловке, Балмакова удалось устроить водителем в находящуюся рядом академию имени Жуковского. Для большей предосторожности всем сменили документы, так что в квартире, выделенной по просьбе ГРУ мэрией, Балмаковы, муж, жена и двое детей, были прописаны как Стрелковы – по девичьей фамилии жены. При этом Гушин настоял, чтобы с первого же дня у дома постоянно дежурил спецгент.

– Расскажите, как он исчез?

– Утром пошел на рынок и не вернулся. И все, с концами.

– Но... ведь...

Седов замолчал. Гушин посмотрел на него скучным взглядом:

– Ты о чем?

– Виктор Александрович, только об одном. Ведь все было надежно закрыто. Наглухо закрыто, без дураков.

– Юра... Запомни, сейчас что-то наглухо закрыть в Москве невозможно. Особенно если у них есть связи на уровне вице-премьера.

– Когда вы узнали, что он исчез?

– В воскресенье днем. Вчера Балмаков встал рано и решил сходить на рынок. Жене объяснил, что пойдет за солеными огурцами и квашеной капустой. Он ушел примерно в полдевятого, как был, в кроссовках на босу ногу и в спортивном костюме. Агент видел его, но за ним не пошел, ходить

за Балмаковым не его дело, он должен наблюдать за домом. Да и, ты ведь знаешь, от этого дома Бутырский рынок в двух шагах.

– Знаю.

– Ну вот... Жена подождала мужа до одиннадцати, потом послала за ним дочку. Когда та вернулась и сказала, что отца не нашла, пошла на рынок сама, опросила всех продавцов. Кто-то из них вспомнил, что действительно утром человек лет сорока, в синем спортивном костюме ходил вдоль рядов, приценивался. Но куда он делся потом, сказать никто не мог. Жена подождала еще некоторое время, потом с ней началась истерика. Она бросилась звонить в отдел нашему дежурному, тот позвонил мне, затем связался по рации с агентом. Вчера там дежурил Костиков, он после моих указаний сделал все, что мог, поднял на ноги милицию, сам обошел весь рынок, но... ты понимаешь. Да и потом – время было упущено.

– Понимаю. Что – Костиков вообще ничего не нашел?

– Ничего, что может быть связано с Балмаковым. Рынок, воскресенье, с момента происшествия прошло уже несколько часов. Охрана рынка и милиция в полном неведении. Утверждают, при них все было тихо, ничего подозрительного они не заметили. Костиков выяснил, что вчера рядом с рынком с утра стояло пять иногородних трейлеров. С машин, как всегда в выходные дни, продавали фрукты и овощи. Один трейлер приехал из Подмосковья, один из Армении, один из Азербайджана, но принадлежность четвертого и пя-

того трейлеров, с которых, по утверждению нескольких свидетелей, продавали дыни и арбузы, выяснить не удалось. Когда на рынке появились Костиков и милиция, эти два трейлера вообще уже уехали. Номеров их никто не помнит, наши пытались найти трейлеры по описанию – тщетно. Вполне возможно, Балмаковым занялись люди как раз с одного из этих трейлеров. И на нем же его увезли. Может быть, уже не его, а труп. – Гуцин машинально тронул узел галстука, будто проверяя, правильно ли он повязан. – Есть еще одна новость. Петраков-младший и Лапик сегодня вылетели во Владивосток.

– Интересно. И что они будут делать во Владивостоке?

– Будут делать большие дела. Петраков будет командовать Тихоокеанским флотом. Он назначен заместителем командующего.

– Серьезное повышение.

– По фактам, вполне обоснованное. Молодой контр-адмирал, участвовал в нескольких дальних плаваниях. Входил в различного вида контакты с несколькими флотами Азии и Африки. В том числе и в боевые. Отличный послужной список, каждое лыко в строку. – Помолчал. – Чайку?

– Спасибо, Виктор Александрович. Я только что завтракал.

– Завтрак одно, чаек совсем другое. Идем на кухню. Не думай, здесь есть отличная заварка.

Они прошли на кухню. Вскипятив и заварив чай, Гуцин

придвинул стакан к Седову:

– Попробуй. Цейлонский, старой расфасовки. Заварено по рецепту.

Седов отметил: чай заварен отлично. Сделав несколько глотков, Гушин посмотрел стакан на свет. Поставил.

– На прошлой неделе Лапик ушел в запас, получив должность председателя правления Дальневосточного отделения банка «Витязь», со штаб-квартирой во Владивостоке. Замечу, это второй крупнейший банк России, которому разрешено открыть свое представительство в Нью-Йорке. Так что Лапик, по совместительству, стал также президентом «Энерджи-банка», как называется отделение банка «Витязь» в Нью-Йорке. Большую часть времени он проводит там.

– Резкая перемена.

– Не такая уж резкая. – Повернувшись, Гушин стал смотреть в окно, выходящее во двор. Окруженное зданиями, заросшее облетевшими липами пространство двора было глубоким и узким, сейчас, несмотря на дневное время, там, внизу, было сумеречно. – Все поделено. Петраков-старший готовится к президентским выборам и, очень возможно, будет избран президентом России. Если отца выберут президентом, Леонид Петраков, без всякого сомнения, станет командующим Тихоокеанским флотом. Ну а Лапик... – Гушин сел. – Лапик получит банк «Витязь» в полное распоряжение. Крепкая тройца?

– Крепкая.

– Можешь думать что хочешь, но я лично считаю, наличие такой троицы – серьезная угроза для государства. Кстати, ты уже слышал о покушении на Феро?

– Конечно. Я читал газеты.

– Что скажешь?

– Все, как мы и предполагали. Рустамбек сейчас в Москве. Феро – наследник Балбоcha, а значит, смертельный враг Талаяти. Для концерна «Истерн интерконтинентал» и банка «Витязь» он как кость в горле. Рано или поздно они его уберут. Сейчас не вышло, уберут чуть позже. В том, что покушение не обошлось без участия Рустамбека, нет сомнений.

– Сам Рустамбек, конечно, этим не занимался. Сделал все руками Тофика Бакинца.

– Естественно.

– Ладно. Не будем залезать в высокие сферы. Начнем с малого. С Бутырского рынка. Попробуем найти следы пропавшего свидетеля. Или тех, кто его убрал. Пойдем в комнату, там у меня материал.

Они вернулись в комнату. Сев за стол, Гуцин сказал:

– Надо устроить кого-то из наших охранником на Бутырский рынок. Этот человек должен работать без прикрытия. И практически без связи.

«Для этого я и был вызван», – подумал Седов.

– Вы хотите, чтобы за это взялся я?

– Юра, конечно, я хотел бы, чтобы за это взялся ты. Начальник отдела замолчал. Подождав, Седов спросил:

– Так в чем дело?

– Задание опасное. Это рынок, почти каждый день там наезды, разборки, изредка людей убивают. В этом году на Бутырском рынке убили уже семь человек.

– Зачем вы мне все это говорите, Виктор Александрович?

– Я говорю это затем, что, если ты чувствуешь, что задание тебе не по душе, – ты можешь отказаться. Причем я не буду на тебя в обиде. Найдем другого человека.

– Задание мне по душе.

– Хорошо. Значит, ты согласен?

– Согласен.

Гущин полез в ящик стола, достал толстый конверт, вытащил пачку фотографий.

– Посмотри. Это те, кто заправляет сейчас Бутырским рынком.

Седов стал перебирать фотокарточки. Часть снимков была сделана скрытой камерой, часть переснята из документов, часть взята из судебных дел. Изредка попадались семейные фото из личных архивов и альбомов. На обороте были написаны имена и пояснения.

Когда Седов начал изучать изображенное на одном из снимков круглое одутловатое лицо с приплюснутым носом и густыми черными бровями, Гущин сказал:

– Владимир Зазоев. Или, если по кличке, Заня. Вор в законе. Главный на Бутырском рынке. Доверенное лицо самого Тофика Бакинца, пахана измайловской группировки, то-

го самого, чьи люди пытались убрать Балмакова на Ленинградском шоссе. Троим из них, если ты помнишь, это стоило жизни. Причем они единственные из этой группы, кто видел тебя вблизи. Остальные были на приличном расстоянии. И тебя не знают.

Дождавшись, пока Седов отложит в сторону последнюю фотографию, Гушин достал еще одну стопку снимков. Положил на стол.

– Теперь посмотри вот это.

– Что это?

– На этих фото – некто Геннадий Будников. Он же Буда. Качок из Кемерова, лет пять назад перебравшийся в Москву. Качок мелкий, о нем мало кто знает.

Седов начал перебирать фотографии. На снимках в разных позах, то в военной форме, то в гражданской одежде, а то и в плавках, был изображен крепкий парень лет тридцати, темноволосый, с небольшими усиками, прямым носом, чувственными губами. Лицо Будникова, если рассматривать его в целом, можно было даже назвать красивым.

– Чем он прославился?

– Практически ничем. Пять лет отслужил в составе спецназа, уволился, приехал в Москву, стал подрабатывать охранником. Год назад известный московский бизнесмен Лукмас взял его на работу телохранителем. Они поехали на Кипр, и во время этой поездки оба погибли.

– Причина?

– Обычное заказное убийство. Во всяком случае, так считают те, кто вел следствие. Машина, в которой Лукмас и Будников ехали по горной дороге из Лимасола в Никозию, упала с высокого обрыва в море, в небольшую бухту. Когда кипрская полиция, проводившая расследование, отыскала наконец место происшествия, она нашла только остатки машины и два трупа, которые прибой бил о скалы около двух недель. Было проведено расследование, но выяснить причину, по которой машина могла упасть в море, кипрские детективы так и не смогли. Трупы были настолько обезображены, что, когда их перевезли в Москву и передали родственникам, приехавшая из Кемеровской области мать Будникова отказалась принять труп сына. Поскольку Лукмас был замешан в крупном мошенничестве и разыскивался ФСБ, это послужило причиной слухов, будто Лукмас и Будников имитировали собственную смерть, а сами, сделав себе пластические операции, спокойно живут сейчас где-нибудь на Западе, а может, и в Москве.

– Но это не так?

– Нет. И Лукмас, и Будников мертвы, мертвее не бывает. Вскрытие тел производили опытные судебные медики, этих медиков я знаю лично. Вывод на основе их материалов можно сделать только один: и Лукмас, и Будников мертвы. Но...

– Но?

– Но, как принято говорить в таких случаях, в обществе на этот счет существуют разные мнения. И то, что на этот

счет существуют разные мнения, нам с тобой на руку.

– Я должен стать Будниковым?

– Не совсем. Ты должен стать человеком, о котором могут подумать, что это Будников. Хотя документы у тебя будут выписаны на фамилию Федоров.

– Не очень ли сложно – для Вятского рынка?

– Для Бутырского рынка сложно. Но, надеюсь, ты понимаешь: с Бутырского рынка мы только начнем.

Седов взял один из снимков. На цветной фотографии смеющийся Будников в плавках обнимал стройную девушку в купальнике. Снимок был сделан на фоне разбивающейся о скалы морской волны.

– По-моему, комплекция у парня твоя, – заметил Гушин.

– Ну... есть что-то общее.

– Правда, он брюнет. Но, думаю, изменить цвет волос и отрастить усы ты сможешь. Остальное менять не нужно. Достаточно будет нанести на твою шею легкие шрамы, свидетельствующие о хирургическом изменении черт лица. Если кто-то из особо любопытных эти шрамы увидит и если это будет человек опытный, он однозначно подумает, что ты сделал себе пластическую операцию. – Аккуратно сложив все фотографии в две отдельные стопки, Гушин придвинул их к краю стола. – Для всех ты в прошлом – простой телохранитель некоего банкира. Но те, кто этим интересуется, в конце концов могут прийти к мысли, что ты выдаешь себя не за того, кто ты есть. Кто-то пустит слух, что ты – Буда.

Естественно, ты будешь решительно отвергать все догадки на этот счет.

– Понятно, Виктор Александрович.

– Человек из деловых, который никогда еще нас не подводил, замолвит за тебя слово перед Заней. Запомни, зовут этого делового Николай Шлепаков, кличка Шлепа. Думаю, с его рекомендацией охранником Заня тебя возьмет.

Глава 5

Пройдя мимо старушек, торгующих у входа укропом, морковкой и сигаретами, Седов сразу же направился к единственному на рынке павильону. Миновав покрытый следами крови от свиных и коровьих туш пологий бетонный настил и двойные обшарпанные двери, огляделся.

Тесно уставленный рядами павильон Бутырского рынка был забит продавцами и покупателями. В воздухе стоял гул голосов, еле уловимо пахло рыбой и не совсем свежим мясом. Сразу же за дверью размещался прилавок, за которым торговали творогом и сметаной. Оглядев не представлявших для него никакого интереса молочниц, он прошел к мясным рядам. Здесь, в подсобке, за распахнутой дверью, два битюга в запачканных кровью фартуках рубили огромными тесаками тушу. Каждый раз, отделив несколькими мощными ударами очередной шмат, они перекладывали его на тачку.

Понаблюдав за ними, Седов спросил:

– Где тут у вас начальство?

Один из битюгов, не прекращая работы, покосился:

– Тут все мы начальство. Конкретно кого надо?

– Того, кто возьмет меня на работу. Битюг отложил тесак:

– А кем ты хочешь работать?

– Мое личное дело. Так где начальство, а?

Вонзив с размаху свой топор в деревянный чурбан, второй

битюг вытер руки о когда-то белый, но давно уже ставший желто-серым передник.

– Если хочешь устроиться шестеркой, туши таскать, переносить ящики, прочее такое – проблем нет. Считай, я тебя взял. Говорю на полном серьезе.

– А если не шестеркой?

– Например?

– Например, охранником?

Битюг внимательно оглядел его:

– Охранником? Что, есть опыт?

– Некоторый.

Достав из кармана пачку «Мальборо», мясник закурил.

Затянувшись, спросил:

– С виду ты вроде парень ничего. Мясо когда-нибудь рубил?

– Мясо? – Седов скривился. – Приходилось.

– Так бери тесак.

– Зачем?

– Бери, тебе говорят. Помедлив, Седов выдернул тесак из чурбана.

– Взял. Что дальше?

– Отрубишь шмат с трех ударов – значит, сможешь работать здесь охранником. Нет – даже близко подходить к рынку не советую.

Седов сделал вид, что внимательно осматривает тушу. Спросил:

– С трех ударов?

– С трех. – Первый битюг незаметно подтолкнул второго.

– Ладно, попробую. Только отойдите, чтобы я мог размахнуться.

Мясники чуть-чуть отодвинулись. Седов ударил два раза, шмат отвалился. Битюги переглянулись. Тот, что курил «Мальборо», снова сделал глубокую затяжку. Сказал:

– Ладно. Если охранником, тебе нужно найти Владимира Алиевича Зазоева. Или, если по-простому, Заню.

– А кто это?

– Заня здесь главный.

– Главный-то главный, а где мне его найти?

– Вон боковой выход. Выйдешь, пойдешь направо, в угол рынка. Увидишь вывеску «Комнаты для приезжающих». Там всегда кто-то у двери стоит. Спросишь, тебе скажут.

Седов направился туда. «Комнаты для приезжающих». «Комнаты» представляли собой древнее двухэтажное кирпичное строение, в котором, судя по невысоким этажам и крохотным окнам, когда-то были склады.

У двери никого не было. Постояв и оглядевшись, толкнул ее. Войдя, увидел стоящего перед входом на второй этаж невысокого белобрысого человека. Одет тот был в черную кожаную куртку и серые брюки с напуском. Лицо с оспинами и злым прищуром маленьких глаз он узнал – именно так выглядело на фотографии лицо Петра Комарова, или Комарика, правой руки Зани.

Комарик курил и не обратил сначала на Седова никакого внимания. Наконец удостоил его взглядом:

– Чего надо?

– Мне нужен Владимир Алиевич Зазоев.

– Зачем?

– Хочу устроиться на работу.

Поплевав на окурок, Комарик бросил его в урну.

– Кем?

– Охранником.

– Гуляй. Нам охранники не нужны. Своих полно.

– А мне сказали, нужны.

Некоторое время Комарик размышлял о чем-то, не глядя на него. Посмотрел напряженно:

– Кто сказал?

– Мясники.

– Какие еще мясники?

– У вас тут на рынке работают. В углу.

На лице Комарика отразились следы внутренней борьбы. Наконец он сказал:

– Слушай, мужик, ты меня достал. Мясники ему сказали... Может, ты хочешь директором рынка работать?

– Я б не отказался директором рынка, – пожал плечами Седов. – Вообще ты сам-то кто? На подхвате или как?

Комарик на секунду закрыл глаза. Вздыхнул:

– Ой, мужик, вали отсюда по-хорошему. Вали, пока я добрый. Я устал.

– А если не уйду, что?

– Ничего хорошего не будет. – Комарик шагнул вперед. Реагируя на это движение, Седов чуть отступил – и в это время сзади скрипнула входная дверь.

Это был Заня. Войдя, хозяин Бутырского рынка коротко осмотрел его. Перевел взгляд на Комарика:

– Что тут?

– Да вот... – Комарик отвел глаза. – Народ ходит посторонний.

– Что за народ? – Посмотрел на Седова. – Что вам нужно?

– Мне нужен Владимир Алиевич Зазоев.

– Владимир Алиевич Зазоев... Ну, я Владимир Алиевич Зазоев. Что дальше?

– Дальше – я ищу работу. Охранником.

Быстро глянув на Комарика, Заня перевел взгляд на часы. Кивнул:

– Понятно, охранником. Только вот, уважаемый, почему ты именно сюда пришел, на этот рынок? Других рынков мало?

– Ну... – Седов помолчал. – Посоветовали.

– Кто посоветовал?

– Один человек.

– Имя у него есть, у этого человека?

– Есть. Шлепа.

Заня почесал за ухом.

– Шлепа... Ладно. Ты хоть знаешь, что значит работать

охранником на рынке?

– На рынке не знаю. Знаю, что значит быть охранником вообще.

– Где работал до этого?

– Служил в спецназе. Потом работал охранником, телохранителем.

– Телохранителем у кого?

– У разных людей. В основном у бизнесменов.

Заня снова посмотрел на часы.

– Документы с собой?

– Есть паспорт.

– Паспорта хватит. Пошли наверх, посмотрим, что у тебя за паспорт.

Поднявшись на второй этаж, где скучал, привалясь спиной к стене, мощный парень с бычьей шеей, Седов по знаку Зани прошел вместе с ним в самый конец узкого пустого коридора. Оглядевшись, Заня достал ключ, открыл дверь. Пропустив Седова в полутемную комнатку с низким потолком, прикрыл дверь, запер на ключ. Кивнул:

– Садись. И паспорт, быстро.

Седов протянул паспорт. Открыв первую страницу, Заня несколько секунд молчал – так, будто хотел изучить все, что написано на первых двух страницах паспорта, до последней запятой. Наконец сказал:

– Федоров Алексей Иванович... Понятно...

Почти тут же зазвонил стоящий на потертом канцеляр-

ском столе телефон. Заня поднял трубку:

– Да? – Помолчал. – Нет, не нужно. Да, я отказываюсь. От всей партии. Все, у меня нет времени. – Положил трубку, выключил телефон. Бросив: «Ладно, посиди», начал листать документ.

Седов осмотрел комнату. Кроме канцелярского стола и двух старых стульев здесь стояли диван с вытертыми от времени валиками и два огромных современных стальных сейфа с электронными замками. Ясно было, что сейфы стоят не просто так, а несут важную функцию. На одном из сейфов красовался новехонький телевизор «Шарп» последней модели. На подоконниках стояли горшки с чахлыми цветами и несколько фаянсовых кружек с застарелыми потеками кофе.

Вглядевшись в один из листов, Заня прочитал:

– Место рождения – Анжеро-Судженск Кемеровской области... Да?

– Точно.

– Значит, кемеровский?

– До армии был кемеровский. После дембеля туда даже не заглядывал.

– Не заглядывал... – Заня снова начал бесцельно листать паспорт. – Не заглядывал... Не заглядывал... А куда заглядывал?

– Сразу подался в Москву.

– И сколько здесь?

– Здесь уже пять лет.

– Понятненько... – Заня откинулся на стуле. – Понятненько... – Покосившись на один из фикусов, процедил: – За бугром бывал?

– Приходилось.

– Да? – Заня смерил его взглядом. – Где приходилось?

– По-разному. В основном в Европе.

Небрежно откинувшись на стуле, Заня сделал вид, будто разглядывает потолок. Наконец со словами: «Ладно, держи...» – бросил ему паспорт. Сделал он это неожиданно, так, что Седов еле успел поймать книжку.

Дождавшись, пока паспорт будет спрятан в карман, Заня сказал:

– Ладно. Где ты бывал, на кого работал – это пока не важно. Охранники мне нужны, так что считай, я взял тебя на испытательный срок.

– Да?

– Да. Посмотрю, на что ты способен. Завтра приходи с утра, получишь задание.

– С утра – во сколько?

– Рынок открывается в семь тридцать, вот чтобы в семь тридцать стоял здесь, внизу, у двери.

– Одеваться как обычно?

– В смысле?

– Ну, мало ли. Бывает, нужно надеть кевларовый жилет.

Заня оценивающе осмотрел его.

– У тебя есть кевларовый жилет?

– Есть. Я ж работал телохранителем.

– Понял. – Заня побарабанил пальцами по столу. – Нет, с кевларовым жилетом пока погоди. Что я тебе поручу, не знаю, могут быть разные варианты. Колеса у тебя есть?

– Новый «москвич».

– Ладненько. – Заня встал. – Пошли. Завтра подъезжай сюда на своем «москвиче». А там посмотрим.

Глава 6

Четыре дня, во время которых Заня проверял Седова, прошли незаметно. Никаких особых поручений ему не давали, он должен был просто стоять там, куда его ставили, наблюдать за порядком и не пускать или отгонять тех, кого он должен был не пускать и отгонять, согласно инструкциям, полученным от Зани или его помощников. С первого же дня за ним укрепилось прозвище Федя, против которого он не возражал.

В конце четвертого дня Комарик предупредил его, что с утра, в субботу, он будет охранять стоянку машин служащих рынка. Заканчивая инструктаж, сказал:

– Вот что, Федя, я слышал, у тебя есть кевларовый жилет?

– Есть.

– Забудь. Никаких кевларовых жилетов. И самопалов с собой никаких не бери, понял? Тут ментов полно, нам конфликты не нужны. Если что, вызывай нас по сотовому телефону, мы подбежим.

– Хорошо. Вообще-то я и не собирался ничего такого брать. Обойдусь руками.

– Вот и лады.

Когда утром в субботу он подъехал к стоянке, часы показывали семь двадцать. На небольшом асфальтовом пяточке, расположенном сразу же за рынком, было пусто. Поставив

«москвич» в дальний угол и выключив мотор, вышел.

С одной стороны стоянку прикрывали рекламные щиты рынка, с двух – ларьки и выносные прилавки, с четвертой же, через улицу, тянулась длинная кирпичная стена, за которой, он знал, располагалась территория моторизованного полка внутренних войск. Солдат и офицеров полка, одетых в милицейскую форму, изредка можно было видеть у КПП. На рынок и на то, что там происходит, они не обращали никакого внимания.

Несколько ларьков возле стоянки были уже открыты, в двух-трех местах раскладывали товар на пустых прилавках первые торговки.

Минут через пять на стоянку въехал белый «мерседес», на котором ездил главный мясник рынка Теплицын по кличке Тепа.

Поставив машину вплотную к рекламным щитам, Тепа вышел. Проверил, хорошо ли заперты двери, подошел к Седову. Потянувшись и сделав несколько движений, изображавших разминку, сказал:

– Федь, привет. Что, сюда поставили?

– Сюда.

– А где второй?

– Какой второй?

– Как какой? Напарник.

– Второго нет, я один.

– Во дают. Ведь по субботам-воскресеньям Заня всегда

двух ставит.

– Ничего не знаю, я один.

С тех пор как Седов на глазах изумленного Тепы разрубил говяжью тушу с двух ударов, главный мясник рынка отнесился к нему с симпатией. Сейчас это выразилось в том, что, поцокав и покачав головой, он сказал:

– Чем они думают? Сегодня ж суббота, всякой голоты понаедет, успевай только отгонять. Черножопых одних три трейлера будет. А на стоянке здесь – сплошь иномарки. Кроме моего, еще два мерина, два «порше», три воли,¹ два «че-роки»... Полезут, только держи.

– Ничего, полезут – я справлюсь.

– Дело не в том, справишься или нет. Пока ты будешь справляться, эти бандиты, с новых азербайджанских трейлеров, все потроха из машин вынут.

– Не успеют. Позвоню Комарику, он пришлет подмогу. Что это за новые азербайджанские трейлеры?

– А... – Тепа махнул рукой. – Беспредельщики. Появились здесь пару недель назад, с азербайджанскими номерами. Машину с моими людьми вытеснили.

– А чьи они, эти новые азербайджанские трейлеры? Кто их прикрывает?

– Ничьи. Дикари, приехали с гор. Их точно никто не прикрывает.

– А Заня о чем думает?

¹ Воля (жарг.) – машина марки «Вольво».

– А что Заня? Я ему сказал, так он только рукой махнул. Мол, все, что с наружной стороны рынка, нас не касается. Сказал, если что с этими азербайджанцами случится, он лично разберется. Ладно, пойду. Будем надеяться, до моего мерина они не доберутся.

– Не волнуйся. Я специально за твоей тачкой прослежу.

– Спасибо, Федь. – Тепа ушел.

Минут через двадцать стоянка заполнилась машинами до отказа. К восьми утра «мерседесы», «вольво», БМВ, «джипычероки» и «порше» служащих рынка заняли весь асфальтовый пятачок. Приехавшему последним второму мяснику пришлось ставить свой «форд-мустанг» у въезда на стоянку.

К этому времени вокруг давно уже кричала, торговалась, предлагала товар, просто сновала во все стороны разношерстная толпа. Особым успехом пользовалась торговля с трейлеров. Потные ребята в ватниках на голое тело еле успевали продавать из кузовов по дешевке арбузы, огурцы и картошку.

Седов, привыкший за четыре дня к рыночной суете, не спеша прохаживался возле машин, заботясь лишь о том, что бы никто из посторонних не заходил на стоянку. Первая половина дня прошла спокойно. К запаркованным иномаркам никто интереса не проявлял, лишь несколько случайных прохожих поинтересовались, как пройти на рынок и к метро.

Около двух часов дня к стоянке подошел Гвоздь, бритоголовый мощный парень, работавший, как и он, охранником.

Кивнул:

– Все нормально?

– Нормально.

– Лишних не крутилось?

– Нет.

– Комарик сказал, можешь сходить в закусочную. Но не больше сорока минут. Иди, я постою.

Двинувшись в сторону закусочной, Седов сделал небольшой крюк, чтобы обойти стоящие в разных точках вокруг рынка пять трейлеров. Возле каждого трейлера вилась очередь, торговля шла бойко, продавцы еле успевали принимать деньги и отпускать в протянутые авоськи и сумки товар. У двух трейлеров были подмосковные номера, один, судя по номеру, приехал из Калужской области, два номера были азербайджанскими. Запомнив все пять номеров, Седов зашел в закусочную, наскоро перекусил и вернулся на стоянку.

Скучавший здесь Гвоздь, пожелав ему удачи, ушел. Он же снова принялся прохаживаться возле машин.

Часа два прошли без каких-либо происшествий. Если не считать монотонно шумящей поодаль толпы, все было тихо и спокойно. Но когда к стоящему перед стоянкой «форду-мустангу» подошли четверо парней, он поневоле напрягся.

Он так и не смог определить, с какой стороны они подошли. Все четверо были смуглыми, с легкой щетиной на щеках и с короткой стрижкой, в джинсах и черных куртках, из-под которых виднелись обтягивающие мощные торсы ще-

гольские импортные майки. Он сразу понял, что это не простые прохожие. По повадкам, движениям, еще по чему-то неуловимому было ясно: это тренированные бойцы.

Поскольку они встали у «форда», он, понаблюдав за ними несколько секунд, сказал:

– Эй, любезные! Пожалуйста, прошу, отойдите от машины! Здесь служебная стоянка!

Парни не обратили на его слова никакого внимания – так, будто его здесь и не было. Один заглянул в салон, второй, присев на корточки, стал стучать по шине, двое, обмениваясь замечаниями, начали рассматривать радиатор. Они говорили на своем языке, которого он не знал и в котором лишь изредка звучали общеупотребительные азербайджанские слова.

– Эй, любезные! – повторил он. – Отойдите от машины! Здесь служебная стоянка!

Тот, что рассматривал салон, обернулся. У него были густые черные брови и кривой нос, наверняка испорченный в какой-то переделке.

– Служебная стоянка, и что? Твое какое дело?

– Мое дело такое, что я охраняю эту стоянку. Отойдите, прошу по-хорошему.

Рассматривающий салон выпрямился:

– Просишь по-хорошему. А если не по-хорошему, что ты мне сделаешь?

– Я не собираюсь ничего вам делать. Просто прошу отой-

ти.

– Нет, ты мне сказал, что просишь по-хорошему. А я не люблю, когда мне так говорят.

– Я прошу вас отойти от стоянки.

– А если я не отойду? Если я сейчас сяду в эту машину и уеду – что ты мне сделаешь?

– Сделаю нехорошо.

Кривоносый цокнул языком. Шагнул к Седову. Трое остальных двинулись было за ним, но он поднял руку:

– В таких делах я всегда сам разбираюсь. Подошел вплотную к Седову:

– И как же ты мне сделаешь нехорошо?

– Прошу, отойдите.

– Знаешь, ты симпатичный парень, я не хочу тебя обижать. Но предупреждаю: нам нравится эта тачка, и мы ее забираем.

– Вы ее не забираете. Это не ваша машина.

– Забираем, дорогой. Но чтобы тебя не обижать, предлагаем вот это. – Приоткрыв полу куртки, кривоносый вытащил из внутреннего кармана пачку банкнот в банковской оклейке. – Здесь десятка. Ты получишь три куса зелени. Нормальная цена.

– Не нужно мне никакой зелени. Отойдите от стоянки.

Опустив пачку в карман, кривоносый усмехнулся. Неуловимым движением вытащил из того же кармана «байонн», ткнул ствол в живот Седова:

– Тогда извини. Предлагаю вот это.

Посмотрев сначала на пистолет, а потом на грозно молчащую поодаль троицу, Седов покачал головой:

– Вот с оружием это вы зря.

– Почему?

– Зачем играть с пистолетом?

– Я не играю, дорогой. Я б тебя сразу пришил, да шум поднимется. А нам пока шум не нужен. Делаем так: ты стоишь тихо, ребята садятся в тачку, и мы уезжаем. За это мы тебя оставляем в живых. Не согласен – мы тебя мочим и все равно уезжаем. Как?

Качнувшись в одну сторону, Седов тут же перенес вес тела в другую, попытавшись отработанным движением выбить и перехватить пистолет. Но на этот раз номер не прошел, кривоносый, судя по всему, был подготовлен не хуже, чем он. Он успел выстрелить, и Седов, уходя в сторону, услышал выстрел и почувствовал: пуля пробила левое плечо. Но выстрел обошелся кривоносому дорого, Седов провел правой в челюсть, и тот упал. Парень, стоявший ближе всех к Седову, с ревом прыгнул, стараясь всем весом тела сбить его на землю. Седов встретил его левой, и встретил удачно – тот уже в полете отключился и, стукнувшись по инерции головой о бампер машины, затих.

Судя по всему, двое оставшихся после этого поняли, что так просто его не возьмешь. Достав ножи и плавно двигаясь, они окружили его, изредка делая выпады. Движения у них

были отточенными, уверенными. Он, уворачиваясь от ударов, начал крутиться. Он крутился придуманной им самим бойцовской раскруткой, которой владел в совершенстве. Наконец один, сообразив, что все удары проходят мимо и нож бесполезен, вытащил пистолет. Это было ошибкой – тут же выбив пистолет ногой, Седов завалил парня ударом под дых. Четвертый после этого стал легкой добычей, его уже ничего не стоило отключить привычным ударом – ребром ладони по шее. Правда, тот успел поцарапать ему ножом грудь, но это был пустяк.

Отдышавшись, Седов заметил: вокруг стоит молчаливая толпа любопытных. Потрогал раны, чтобы еще раз убедиться, что ничего серьезного нет, подобрал оба пистолета. Достал сотовый телефон и, набирая номер, бросил:

– Что стоите? Вызовите скорую кто-нибудь.

Никто из толпы не двинулся, он же услышал отзыв Комарика:

– Кто?

– Комарик, это Федя. Давай сюда, тут дела.

Комарик с Гвоздем подошли через минуту. Толпа при их появлении заметно поредела, осталось только несколько человек. Оглядев четыре лежащих на асфальте тела, Комарик спросил:

– Кто их?

– Я.

– Один? – Один. – Седов протянул Комарику два писто-

лета: – Держи. Их пушки. Комарик кивнул на его кровото-чащее плечо:

– Пулей, ножом?

– Пулей. Пустяк, царапина.

– Кто стрелял?

– Этот. – Седов кивнул на кривоносого.

– Что смотрите? Валите отсюда. – Цыкнув на зевак, кото-рые тут же ушли, Комарик передал пистолеты Гвоздю. – Что вообще случилось, расскажи?

– Подошли, хотели угнать машину.

– Почему сразу нас не позвал?

– Некогда было. Сам видишь, они с пушками.

– Он хоть жив? – спросил Гвоздь. Присев возле кривоно-сого, Комарик приподнял веко:

– Отключен. Гвоздь, вызови еще кого-нибудь. Если есть Али, позови его.

Пока Гвоздь вызывал по сотовому телефону охранников, Комарик сказал:

– Все четыре рожи знакомые. По-моему, они из Шереме-тьева. Не пойму только, чего они сюда приперлись.

Подошедший Али, охранник-азербайджанец, присел над лежащим на спине кривоносым. Пошлепал по щекам, стара-ясь привести в чувство. Убедившись в тщетности попыток, покачал головой:

– Ну вы и врезали ему, братцы. От души.

– По-моему, это шереметьевские? – сказал Комарик.

– Нет, они не шереметьевские. Если б они были шереметьевские, зачем бы они сюда полезли, а?

Все правильно, подумал Седов, в Шереметьеве всем управляют люди Тофика Бакинца, а Заня тоже человек Тофика. Именно это Али и имел в виду.

– Тогда кто они? – спросил Комарик.

Порывшись в карманах кривоносого, Али достал паспорт, просмотрел несколько страниц.

– Парень – талыш. Остальные тоже талыши. Я вспомнил, я их раньше видел.

– Что им здесь надо?

– Просто решили поинтересоваться и пощупать. – Али положил паспорт на прежнее место. – Тут у нас ведь один талышский трейлер стоит. Вот они и зашли посмотреть, как бы в гости. Я их вспомнил. Крутые ребята.

– Я с этих крутых сдеру по-крутому, – сказал Комарик. – Козлы.

– Ну и отключил их Федя, – заметил Гвоздь. – Парни спят и видят сны. А, Федь?

Седов пожал плечами:

– Так получилось.

– Черт... – пробормотал Комарик.

Повернув голову в направлении его взгляда, Седов увидел сворачивающую с Башиловки милицейскую машину. Пока она была далеко. Один из отключенных, тот, что стукнулся об автомобиль, зашевелился. Встряхнул головой, попытался

сесть.

– Может, проедут? – предположил Гвоздь.

– Вряд ли, – возразил Али. – Это машина опера.

– Б... приведите наконец их всех в чувство! – заорал Комарик. – Нам на х... эта заваруха не нужна! Что смотрите? Менты на носу!

Али, Гвоздь и еще один подошедший охранник присели, начали хлопать лежащих по щекам, крутить носы.

– Из какой пушки в тебя стреляли? – спросил Комарик.

– Из «байонна».

– Разрешение на оружие у тебя есть?

– Есть.

– С собой?

– С собой.

– Держи, – встав боком, Комарик незаметно протянул «байонн». – Если менты начнут спрашивать, скажешь: когда эти козлы подошли и стали цепляться, ты в заварухе сам в себя случайно выстрелил. Претензий к ним не имеешь. Понял?

– Понял.

Седов спрятал пистолет в карман. Почти тут же сине-белая «Волга», скрипнув тормозами, остановилась возле стоянки. Сидевший на переднем сиденье рядом с водителем старший лейтенант не спеша опустил стекло, посмотрел в их сторону.

Двое нападавших уже встали, еще двое, кривоносый и тот,

который ударился головой о машину, сидели на земле. После того как старший лейтенант, что-то сказав водителю, вышел, они тоже поднялись.

– Комаров, что у вас здесь происходит? – Старший лейтенант перевел взгляд с Комарика на Седова: – Что у вас с рукой?

– Царапина.

– Царапина от чего?

– Случайно ранил сам себя, товарищ старший лейтенант. Комарик, улыбнувшись, округлил глаза.

– Ничего такого не было, Иван Тимофеич. Ребята вроде помахали кулаками, а так ничего. Чес-слово.

– Помахали кулаками... Что это за раненый? – Это новенький, Иван Тимофеич, – сказал Комарик. – Он пятый день у нас только. На испытательном сроке.

Старший лейтенант, у которого было одутловатое лицо, маленький нос и внимательные серые глаза, зорко глянул на Седова:

– Вы случайно ранили себя – из чего?

– Из пистолета.

– Где он?

– Вот. – Седов передал старшему лейтенанту «байонн».

Покрутив пистолет, тот спросил:

– И как же это вы ухитрились сами себя случайно ранить?

– Так получилось. Ребята шли мимо...

– Какие ребята? Кривоносый развел руками:

– Товарищ старший лейтенант, мы вообще здесь ни при чем. Шли мимо, вдруг этот человек к нам привязался... Наверное, что-то не так понял...

Старший лейтенант посмотрел на Седова:

– Это так?

– В общем да... Наверное, я что-то не так понял...

Смерив взглядом четверку, старший лейтенант пробурчал:

– Не так поняли... Разрешение на оружие имеется?

Седов протянул разрешение. Милиционер просмотрел его и вернул.

– Паспорт?

Седов показал паспорт. Бегло перелистав страницы, старший лейтенант спрятал книжицу в карман кителя.

– Паспорт получите у меня.

– Но, товарищ старший лейтенант...

– Жду у себя в пятнадцатом отделении. В мои приемные часы.

Старший лейтенант сел в машину, она тут же уехала. Некоторое время все молчали. Наконец кривоносый посмотрел исподлобья:

– Отдайте стволы.

– Гоните бабки, получите стволы, – сказал Комарик.

– Какие бабки, дорогой?

– Такие. За беспокойство надо платить. – Кривоносый медлил, и Комарик добавил: – Не будет бабок, не будет ство-

лов. И мы посчитаем, что вы поступили западло. Будете в заказе.

Помолчав, кривоносый спросил что-то по-талышски у стоящего рядом. С минуту все четверо переговаривались по-талышски. Наконец кривоносый спросил:

– Сколько?

– Двадцать штук за стволы и десять за клюкву.² Всего тридцать кривых.

Обменявшись односложным замечанием с соседом, кривоносый сказал:

– Даем двадцать грандов. Больше у нас нет.

– Слушай, не держи нас за фраеров. Тридцать, или стволы остаются у нас. И вы в заказе.

– Обыщи, да? Клянусь, нет больше.

Подумав, Комарик щелкнул пальцами:

– Ладно, давайте.

Кривоносый вытащил из кармана уже знакомую Седову толстую пачку с банковской оклейкой, взял такую же у соседа. Протянул обе пачки Комарику:

– Двадцать.

Перелистав банкноты на глаз, Комарик взял у Седова «байонн», приложил к нему второй пистолет, протянул:

– Держите. И у рынка больше не светитесь, мой совет. Когда четверо ушли, сказал Седову:

– В гостинице есть аптечка, сходи перевяжись.

² Клюква (*блатн. жарг.*) – кровь, в данном случае – ранение.

– Не нужно никакой аптечки. У меня пластырь есть в машине, замотаю и достояю до конца.

– Смотри, твое дело.

Седов достал из бардачка машины индпакет, наложил на рану марлевую подушку и закрепил ее пластырем. Оглядев перевязку, скрытую рукавом куртки, Комарик велел Гвоздю:

– Останься с Федей до конца дня. На всякий пожарный.

Предосторожность оказалась излишней. До момента пока со стоянки не уехала последняя машина, никто из посторонних к ней не подошел.

Глава 7

Охватившее его под утро состояние дремы Рустамбек мог считать удачей. Здесь, в первом классе «боинга» компании «Бритиш эйруэйз», были удобные раскладные кровати, при желании на них вполне можно было выспаться. И, самое главное, он мог до отказа вытянуть ноги. Подумал: еще час такой дремы – и он почувствует себя нормальным человеком. В последнюю неделю, которую он провел в непрерывных перелетах между Нью-Йорком, Москвой, Каиром, Тегераном и европейскими банковскими столицами, он вообще забыл о нормальном сне.

Он устал, но усилия того стоили – по его подсчетам, компания Талаяти «Истерн интерконтинентал», которая фактически давно стала его компанией, заработала в последнюю неделю около пяти миллиардов долларов. Причем эти пять миллиардов долларов можно считать лишь номинальной прибылью, реально же, после того как они приобрели компанию «Комлин», что расшифровывается как «Коммуникационные линии», концерн Талаяти будет зарабатывать гораздо больше.

Дрема была сладкой, и чье-то осторожное прикосновение к плечу вызвало сильное раздражение. Замычал, отдернул плечо, но через секунду прикосновение повторилось. Повернувшись и открыв глаза, увидел склонившуюся над ним стю-

ардессу. Девушка улыбнулась:

– Доброе утро, сэр. Москва.

Выдавил:

– Да?

– Да, сэр. Мы пошли на посадку. Не забудьте пристегнуть ремни.

– Не забуду. Который час?

– В Москве девять часов десять минут утра, сэр. Кофе?

– Если можно. Только настоящий кофе.

– Обещаю, это будет настоящий кофе, сэр. – Девушка исчезла.

Нажав кнопку и превратив кровать в кресло, протер глаза. Откинул плед и пристегнул ремни, посмотрел в иллюминатор. Знакомая картина. Шереметьево. Самолет прибывает по расписанию.

Возникшая в проходе стюардесса ловко выдвинула одной рукой подставку, опустив второй рукой на нее поднос, на котором стояли кофейник, чашка, судочек со сливками и вазочка с сахаром.

– Ваш кофе, сэр. Налить?

– Спасибо, я сам.

– Приятного аппетита. Сядем через пятнадцать минут.

Улыбнувшись, стюардесса ушла. Налив себе кофе, сделал несколько глотков, но допить всю чашку до конца не успел: внизу замелькали стоящие на летном поле самолеты. Дождавшись, пока шасси коснется земли, отстегнул ремни,

оглянулся.

Эльдер, в последнее время всегда сопровождавший его в полетах, уже стоял в проходе с двумя сумками. Заметив его взгляд, чуть заметно кивнул: все в порядке, хозяин, я здесь.

– Господин Рустамбек, с прибытием! Я очень рад видеть вас!

Медхи, племянник Тофика, одетый в длинное черное пальто, улыбался искренней улыбкой, такой, какой можно улыбаться лишь в восемнадцать лет. За ним, метрах в двадцати, виднелся серебристо-серый «мерседес».

– Спасибо, Медхи. Тофик здесь?

– Да, господин Рустамбек. Простите, но он ждет вас в машине.

– Ничего страшного. В этой машине?

– Да, господин Рустамбек. Идемте.

Как только они сели в «мерседес», Тофик, сидевший впереди, рядом с местом водителя, обернулся:

– С прибытием, господин Рустамбек. Простите, что не вышел из машины. Надеюсь, вы понимаете почему.

– Конечно. Как самочувствие?

– Самочувствие прекрасное. Но... – Тофик помолчал. – Есть проблемы. Думаю, вы догадываетесь, что я имею в виду.

– Пожалуй. Но об этом после. Куда ты меня повезешь?

– Куда хотите, на выбор. Есть люкс в «Интерконтинентале», есть приличная частная квартира на Садовом кольце, в районе Самотеки. Что важно, о существовании этой кварти-

ры, кроме меня и охранников, никто не знает.

– Я смогу там выспаться, в этой частной квартире?

– Конечно, господин Рустамбек. Там тишина, окна выходят во двор.

– Давай в частную квартиру. Я не люблю шума. Тофик посмотрел на севшего за руль племянника:

– Медхи, все понял?

– Конечно, Тофик-джан.

Юноша повернул ключ, дал газ. Когда они выехали на отрезок, ведущий к Ленинградскому шоссе, Тофик обернулся:

– Поздравляю, господин Рустамбек, с «Комлином».

– Спасибо. Ты прав, это наша большая победа. Что, уже и формально все подписано?

– Пока нет, но в ближайшие дни будет подписано точно.

Сведения из абсолютно надежного источника.

– Что ж, очень рад.

– Господин Рустамбек, вы наверняка устали с дороги. Не буду вас больше беспокоить.

– Ничего. Нам с тобой все равно нужно будет поговорить – как только мы попадем в эту твою квартиру.

– Да, конечно, господин Рустамбек. Но сейчас отдохните.

– Отдохнуть все равно не удастся. Просто посмотрю на Москву.

Миновав Ленинградский проспект и часть Тверской, они свернули на Самотеку. После нескольких поворотов Медхи ввел машину во двор большого высотного здания послево-

енной постройке. Когда они входили в снабженный цифровым кодом подъезд, Рустамбек заметил стоявшего неподалеку мощного парня. То, что это охранник, он понял по кивку, каким парень ответил на вопросительный взгляд Тофика.

На лифте они поднялись на девятый этаж. Дверь Тофик открыл своим ключом. Квартира, в которую они вошли, оказалась большой, просторной, хорошо обставленной. Эльдер поставил сумки на пол, Тофик сказал:

– Медхи, сообрази поесть. Господин Рустамбек наверняка проголодался. Рустамбек поднял руку:

– Ничего не нужно, я утром не ем. Единственное, я хотел бы принять душ.

– Конечно, господин Рустамбек. Проходите в ванную, там есть все. Вот сюда. – Тофик открыл дверь ванной. – Но зеленый чай, надеюсь, вы выпьете?

– Пожалуй.

– Отлично. Я буду ждать вас в гостиной.

Приняв душ, надев махровый халат и сунув ноги в просторные домашние тапочки, Рустамбек прошел в гостиную. Как только он сел за стол, на котором стояли большой фаянсовый чайник и две пиалы, Тофик взял чайник. Налил в обе пиалы чая и, подождав, пока отхлебнет Рустамбек, отхлебнул сам.

Поставив пиалу, Рустамбек спросил:

– Где Медхи и Эльдер? Здесь?

– Медхи я послал вниз, к машине. Эльдер дежурит на

лестничной площадке. Мы в квартире одни.

– Я прочел о Луи Феро. О покушении написали даже в Нью-Йорке.

– Господин Рустамбек... – сказав это, Тофик опустил глаза. – У меня нет слов.

– Неприятная история. Что там случилось?

– Получилось, что в последнюю секунду Феро вдруг выскочил из машины.

– Почему выскочил? Догадался?

– Может быть, догадался. Но вообще... – Тофик pokrutil пиалу. – Вообще, господин Рустамбек, здесь есть и моя ошибка.

– Твоя?

– Да. Я доверил все Хайдарову. А нужно было с самого начала все делать самому.

– Хайдаров... Он же опытный человек, согласись.

– Да, это верно.

– И он гарантировал, что все будет в порядке.

– Гарантия не сработала. Что часто бывает в таких случаях.

– Хорошо, за это взялся бы ты – что бы это изменило? Феро в этом случае не выскочил бы из машины?

– Это изменило бы то, что я не дал бы «скорой помощи» довести Феро до больницы. А убрал бы его по дороге. Или в самой больнице.

– Почему этого не сделал Хайдаров?

– Его план не предусматривал такого варианта. Он думал, машина разлетится на куски у «Метрополя». Ликвидировать Феро по пути в больницу означало рисковать, а риска он не любит. – Тофик отхлебнул из пиалы. – Но вообще, господин Рустамбек, Хайдаров поклялся, что до конца года он Феро уберет. И я на этот раз вместе с ним сделаю все, чтобы осечки не было.

– Это будет очень кстати. Феро – единственный человек, который может нам помешать.

– Признаемся, господин Рустамбек, – пока он нам не мешает.

– Не мешает, потому что жив Балбоч. Но как только старик умрет – а он, как я знаю, на последнем издыхании, – Феро с миллиардами Балбоча очень скоро сможет стать здесь реальной силой. И станет, не сомневайся.

– Я сделаю все, чтобы ошибка не повторилась, господин Рустамбек. Да и Хайдаров – большой мастер по этой части. Продумывать такие дела он умеет, ничего не скажешь. Ведь это он придумал, как убрать Балмакова...

– Балмакова?

– Да, свидетеля, которого ГРУ хотело использовать против Лапика, помните?

– Да, да, помню. Правда, знаю это только с твоих слов, но, кажется, сделано все было чисто. – Рустамбек почувствовал, что глаза у него слипаются. – Что ты вообще думаешь о Хайдарове?

– Вообще? – Тофик поднял глаза. – Господин Рустамбек... Даже не знаю, что сказать...

– Учти, я все знаю о Хайдарове. Все до последней точки. Но мне интересно, что думаешь о нем ты.

– Мне кажется, это очень нужный нам человек. Но вести себя с ним надо умно.

– Умно в каком смысле?

– В том смысле, что нельзя выпускать его из-под контроля. Я считаю, вы очень хорошо сделали, что ввели в состав правления банка Лапика. Они будут уравнивать друг друга.

– Если не съедят друг друга.

– Конечно, когда-нибудь они съедят друг друга. Но пока они работают на нас.

– Правильно. Кстати, договорись с Хайдаровым о встрече.

– Будет сделано.

– Последнее, что надо решить, – найти новое место для штаб-квартиры.

– Новое место?

– Да. Теперь, когда у нас есть два новых отделения банка в Нью-Йорке, Москва не подходит. Равно как Каир и Тегеран.

Подумав, Тофик сказал:

– Господин Рустамбек, а почему не Нью-Йорк?

– Ни в коем случае. Нью-Йорк – слишком шумное место. Шумное и заметное. Нет, Нью-Йорк решительно не подходит.

– Тогда, может быть, что-то под Нью-Йорком?

– Именно об этом я и думаю. Что ты скажешь насчет Атлантик-Сити?

– Атлантик-Сити? Дайте подумать... Насколько я помню, концерн «Истерн интерконтинентал» владеет там пятью казино?

– Правильно. И банку «Витязь» принадлежат там три казино и три гостиницы. До Нью-Йорка оттуда добраться можно за пару часов. Поиграть туда приезжают в основном люди семейные, солидные, респектабельные, а не легкомысленная толпа, которой забит Лас-Вегас. По-моему, идеальное место.

– Целиком согласен с вами, господин Рустамбек.

– Значит, решили... – Он с трудом сдержал зевок. – Тофик, дорогой, извини, но об остальном договорим вечером. Я еле держусь.

– Конечно, господин Рустамбек, конечно. – Тофик встал. – Здесь две спальни, обе к вашим услугам. Спите, сколько хотите. Вам никто не будет мешать.

Глава 8

Поднявшись на последний, второй, этаж обшарпанного здания, в котором размещалось отделение милиции, Седов подошел к хорошо уже изученной им двери. Табличка, прибитая к оцинкованной поверхности гвоздями, извещала, что здесь ведет прием посетителей «Зам. начальника 15-го отделения милиции г. Москвы по оперативной работе Куманьков И.Т.». Висящее на двери расписание приемных часов подтверждало, что Куманьков И.Т. должен принимать посетителей именно сейчас, с двух дня до шести вечера. Однако на длительный стук Седова никто не отозвался. Усилие, с каким он попытался открыть дверь, тоже не помогло; цинковый прямоугольник показался ему намертво впаянным в стену монолитом.

Прошел к паспортному столу, занимавшему сразу два помещения на этом же этаже. Дождавшись, когда из комнаты выйдет девушка со стопкой бумаг, обратился к ней:

- Девушка, я хожу сюда уже третий день, и все впустую. Не могу получить свой паспорт.
- Не можете получить свой паспорт – у нас?
- Не у вас. У Куманькова Ивана Тимофеевича. Не знаете, он будет сегодня принимать?

Девушка посмотрела на него так, будто он ее смертельно оскорбил:

– Молодой человек... Если Иван Тимофеевич взял у вас паспорт, так у него и получайте. Я-то здесь при чем? Вы что, не видите, я работаю совсем в другом отделе?

– Но, может, вы знаете, будет ли он сегодня принимать?

– Понятия не имею... Как я могу что-то говорить за начальника другого отдела? Дайте пройти, молодой человек, вы мешаете мне работать.

Посмотрев вслед девушке, он вышел на улицу. По пути к рынку подумал: пока, изобразив, что он отчаянно стремится получить назад отобранный паспорт, он все делает правильно. За возврат паспорта заместитель начальника отделения по оперативной работе наверняка потребует у него взятку. Расценки взяток на возврат паспорта в таких случаях, насколько он знает, колеблются сейчас от одной до трех тысяч долларов. Резервной суммы, полученной в начале задания, пяти тысяч долларов, ему вполне должно хватить. Деловые Москвы о том, что случилось на стоянке, а также о том, каким образом ему пришлось выкупить паспорт, конечно же узнают. Что, без сомнения, сработает на легенду.

Стоящий на рынке у входа в павильон Гвоздь, увидев его, сказал:

– Федя, тебя тут Заня ищет...

– Заня?

– Да. Он велел, как появишься, сразу чтоб шел к нему.

– А где он?

– У себя, в своей комнате.

Поднявшись на второй этаж гостиницы для приезжих, Седов постучал в дверь Зани. Услышав «Да!», вошел.

Заня сидел за столом и разговаривал с кем-то по сотовому телефону. Показал Седову рукой: садись. Закончив разговор и спрятав телефон, кивнул:

– Привет. Как дела?

– Да вот никак не могу выцарапать свой паспорт у Куманькова.

– Не нужно выцарапывать паспорт у Куманькова.

– Не нужно?

– Не нужно. Я уже у него был. Твой паспорт у меня.

– У тебя?

– Да. – Заня откинулся на стуле. – Тут такое дело... Федя, ты вообще мне нравишься. И как охранник, и вообще. Этих козлов ты отделал – ништяк. Но тебе не повезло.

– Не повезло в каком смысле?

– Ты засветился.

– Засветился?

– Да. – Достав паспорт, Заня положил его на стол. Осторожно, ногтем, придвинул к Седову. – Ты где достал эту ксиву?

– Как где? Где все достают.

Он ответил машинально, не раздумывая, хотя уже понимал: с паспортом, который ему передал из рук в руки Гушин, что-то не то. И тут же выругал себя. Он должен был ждать, что Гушин подстроит этот трюк, ведь по легенде Федоров он

только по паспорту, на самом же деле он Будников. Было бы смешно, если бы Гушин дал ему чистый паспорт.

– То есть ты получил эту ксиву в милиции? – спросил Заня. – Ведь нормальные ксивы все там берут?

Над ответом ему пришлось несколько секунд подумать. Наконец он сказал:

– Заня, я подписывался говорить тебе, где я взял ксиву?

– Не подписывался. Поэтому я и говорю, что тебе не повезло.

– В смысле?

– В смысле, что Куманьков требует за возврат этого паспорта пятьдесят косых.

Посмотрел на Заню. Нет, обмана в его глазах не было.

– Пятьдесят косых... Ты серьезно?

– Вполне серьезно.

– Зелени?

– А чего еще?

– У него что, крыша поехала?

Побарабанив пальцами по столу, Заня усмехнулся:

– У него крыша не поехала. И потом, Федя, ты ведь знаешь, в чем дело.

– В чем?

– В том, что с твоим паспортом неладно. Он фуфловый.

Помолчав, Седов сказал:

– Даже если так, даже если паспорт фуфловый – все равно за паспорт никто таких денег не берет.

– Смотря за какой паспорт.

– Что ты имеешь в виду?

– Феденька, родной, я ничего не имею в виду. В виду имеет Куманьков. Он почему-то считает, что ты в состоянии выпустить этот твой фуфловый паспорт.

– С чего он взял?

– Не знаю. – Заня посмотрел в упор. Седов твердо выдержал его взгляд.

– Брось, Заня. Нет у меня таких денег.

Секунду Заня изучал его. Наконец сказал:

– Федь, не гони волну. Успокойся. Меня твои деньги, есть они, нет, не трахают. Вопрос в Куманькове.

– В Куманькове?

– Конечно. Он ведь не с тебя будет брать пятьдесят штук, а с меня. Он на этих условиях паспорт и отдал. – Открыв ящик стола, Заня так же осторожно, ногтем, спихнул паспорт вниз. Закрыв ящик. – Ты вот что, ты думай, Федя. Куманьков сказал, если в течение недели денег не будет, он тебя сдаст.

– Но, Заня, пусть руки отсохнут, нет у меня таких бабок.

Заня смотрел равнодушно. Возможно, до него уже доплыла легенда о Будникове и Лукмасае и он не верил, что у Седова нет таких денег.

– Достань. Я тебе даже вот что скажу. За твою дырку эти козлы дали Комарику десять штук, так вот, они пойдут в счет. Доставай сорок косых, и с концами. – Заня посмотрел жестко. – Это все, что я могу для тебя сделать. – Достав

из кармана телефон, начал набирать номер. Кивнул: – Все, Федя, ты свободен. Можешь неделю не приходить, доставай бабки. Через неделю жду.

Выйдя, Седов прошел на стоянку. Дежурил Али. Когда Седов сел в «москвич», тот спросил:

– Что так рано?

– Дали отгул на неделю.

Али дружески похлопал его по шее:

– Отпуск по ранению?

– По ранению, только в другом месте. Ладно, бывай.

– И ты бывай. Отгуляй за нас.

– Постараюсь.

Вывел «москвич» на Дмитровку, потом на Сушевский вал. Свернув в переулок, остановил машину возле телефона-автомата.

Некоторое время сидел, оценивая ситуацию. По условиям задания он мог выходить на связь с кем-то из Центра лишь в самых крайних случаях. Тридцать пять тысяч долларов, которых ему не хватало, делали этот случай крайним, поскольку сорок тысяч долларов, положенных на стол Зани, укрепили бы его легенду. Безусловно, тридцати пяти тысяч он в ГРУ никогда не получит. Но обсудить ситуацию с Гущиным он обязан в любом случае...

Вылез из машины, зашел в будку телефона-автомата, набрал номер. Трубку сняли после двух гудков, голос Гущина спросил:

– Да? Слушаю вас?

Согнув указательный палец, постучал по мембране. Раз, два, три. И еще раз, но уже двойным стуком: раз-раз, двадва, три-три. Повесил трубку.

Это означало, что завтра от девяти до десяти утра он придет в конспиративную квартиру. Ту самую, где Гушин дал ему задание.

Глава 9

Развернувшись у Якиманки, Рудольф остановил «плимутвояджер» у тротуара. Перед ними открылось большое заасфальтированное пространство, ведущее к двенадцати-этажному зданию Министерства внутренних дел. Обычных прохожих здесь было мало, но у подъезда стояло несколько человек, встречающих посетителей или ожидающих пропуска.

Рудольф повернулся к Луи:

– Мы точно.

Рядом с Рудольфом сидел мощный охранник, Владимир Авдонин, проработавший пять лет охранником на даче Балбоcha. Авдонину, бывшему борцу, давно перевалило за сорок, но все звали его Володя. За ним, на самом безопасном среднем сиденье во втором ряду, в центре машины, разместился Луи, одетый в связи с предстоящим событием в строгий синий костюм и галстук в косую красно-синюю полоску. Сзади, на последнем сиденье, располагались еще два охранника, они, как определил их функцию Рудольф, должны были прикрывать тылы. Это были новички, которых Рудольф взял в охрану, поскольку хорошо знал их раньше по спецназу.

Луи с мрачным удовлетворением наблюдал, как все четверо изучают улицу. Он, всю жизнь обходившийся без охраны, всегда твердо надеявшийся на собственные силы и неиз-

менно веривший в свою звезду, после взрыва решил все изменить. Все будет по-другому, сказал он сам себе, теперь не будет никаких уязвимых для снайперских выстрелов машин с двумя сиденьями, никаких беспечных посещений в открытых для любого киллера ресторанах вроде «Метрополя», никаких путешествий по Москве без охраны. Миллиарды Балбоcha и то, что он очень скоро вступит во владение этими миллиардами вполне официально, не дают кому-то покоя. Что ж, он покончит с плейбойскими замашками и будет жить как серьезный финансист. Теперь он знает, что те, кто не смог его убить в силу случайности, не успокоятся и рано или поздно снова попробуют его достать. Но они его не достанут. За пятнадцать лет работы с Балбочем он достаточно поднаторел в организации надежной охраны. И уж как-нибудь сделает все, чтобы никто не смог достать его лично.

Сейчас он впервые после выхода из больницы чувствует себя полностью выздоровевшим. Ему все еще приходится брать с собой для подстраховки палку, но только для подстраховки. Раненая нога, на которую он раньше с трудом мог наступать, уже второй день слушается его, как прежде.

Охранники, включая Рудольфа, продолжали внимательно осматривать улицу. Луи показалось, что они делают это слишком долго, и он посмотрел на часы.

Поймав его взгляд, Володя сказал:

– Луи, вы сами дали нам инструкции проверять все внимательно. И мы будем следовать этим инструкциям, несмотр-

ря ни на что.

– Я не против, следуйте этим инструкциям. Но сейчас, я надеюсь, все в порядке?

– Предварительно – да.

– Мы можем выходить?

– Думаю, что да.

– Хорошо бы. Нам сегодня нужно еще в тысячу мест.

– К нам идет человек, – бесстрастно сказал Рудольф. – Похоже, мент.

Повернув голову, Луи увидел идущего в их сторону высокого плотного человека в коротком сером плаще. Из-под воротника плаща выглядывал синий шарф, из-под шарфа – белоснежная рубашка с черным галстуком. Головного убора не было.

– На изготовку, – негромко сказал Володя. Рудольф повернулся к Луи:

– Я его узнал. Это один из помощников министра, фамилия – Стрекалов. Упакован. На языке Рудольфа «упакован» означало «куплен на корню».

– Открыть окно? – спросил один из охранников сзади. Луи кивнул:

– Открой.

Стекло опустилось, человек, пригнувшись, остановил свой взгляд на Луи. Спросил с особой интонацией, в которой можно было угадать уважение и настороженность:

– Леонид Викторович? – Помедлив, добавил: – Господин

Феро?

– Да, это я. А вы кто?

– Полковник внутренней службы Стрекалов. Министр послал меня вас встретить, он ждет.

Рудольф обернулся:

– Товарищ полковник, моя фамилия Гутин, я начальник охраны господина Феро. Надеюсь, вы не обидитесь, если я попрошу вас показать документы?

На лице подошедшего отразилось секундное колебание, но он тут же ответил:

– Конечно. Дело есть дело.

Достав и развернув удостоверение, показал Рудольфу. Тот кивнул:

– Все в порядке. Еще раз извините, товарищ полковник.

– Ничего страшного. Сколько вас пойдет?

– Двое, господин Феро и я.

– У кого-нибудь из вас есть оружие?

– У меня, – сказал Рудольф. – ПСМ.

– Придется оставить.

Рудольф вытащил пистолет из кармана куртки, передал его Володе. Стрекалов посмотрел на Луи:

– У вас, господин Феро?

– У меня оружия нет.

– Тогда прошу.

Выбравшись из машины, Рудольф хотел помочь Луи выйти, но тот, махнув рукой, сам открыл дверь. И сам сошел на

землю, выставив вперед палку.

Когда они подошли к КПП, полковник сказал стоящему у прохода прапорщику:

– Со мной.

Прапорщик, отступив, дал им пройти. Рудольф миновал раму металлоискателя благополучно, Луи сначала был остановлен сигналом, но со второго раза, передав Рудольфу палку с серебряными инкрустациями, прошел.

В кабинет министра они поднялись на отдельном лифте. Переглянувшись в приемной с секретаршей, Стрекалов зашел в кабинет и тут же вышел. Придерживая дверь рукой, сказал:

– Леонид Викторович, министр ждет вас.

– Василий Денисович, – негромко напомнил Рудольф на ухо Луи.

Луи увидел сидящего за столом в глубине комнаты округлого невысокого человека с багровой шеей, носом-кнопкой и русыми, прореженными сединой волосами, гладко зачесанными назад. На министре был серый костюм и синий галстук. При появлении Луи он встал и, обойдя стол, направился к нему. Уже на подходе сказал с хозяйскими интонациями:

– Здравствуйте, Леонид Викторович, здравствуйте. Рад вас видеть. Проходите к столу, садитесь.

Луи пожал протянутую руку:

– Здравствуйте, Василий Денисович. Я тоже рад вас ви-

деть. Пока они шли к столу, министр спросил участливо:

– Трудно идти?

– Да нет, спасибо. – Луи сел. – Все уже зажило. Сев вслед за ним, министр потер руки:

– Слышал о вашей неприятности, слышал. Мои молодцы работают над этим. Виновников мы найдем.

Луи промолчал. Министр, посмотрев на него, улыбнулся:

– Ладно, хватит о неприятном. Разрешите вас поздравить? Теперь вы гражданин России. Леонид Викторович, поздравляю вас.

– Спасибо, Василий Денисович.

Взяв лежащий перед ним на столе паспорт, министр открыл первую страницу. Глянул на нее, перевел взгляд на Луи:

– В соответствии с законом Российской Федерации вы как сын человека, родившегося в России, в соответствии с представленными вами документами, получаете российское гражданство со всеми вытекающими из этого последствиями. – Еще раз посмотрев на первую страницу, прочел: – «Леонид Викторович Феро, русский, гражданство – гражданин Российской Федерации». Поздравляю.

– Спасибо. – Еще раз обменявшись с министром рукопожатием, Луи спрятал протянутый паспорт в карман.

Министр несколько секунд смотрел на него с улыбкой. Сказал:

– Леонид Викторович, я хоть и в генеральском звании,

но все же милиционер. Разрешите задать несколько, так сказать, чисто милицейских вопросов. Просто из любопытства.

– Пожалуйста, Василий Денисович.

– По представленным документам вашего отца, уроженца города Ростова-на-Дону, звали Борис Фертушный. Эмигрировав во Францию, он переменял имя и фамилию, став Виктором Феро. Мы по вашему настоянию утвердили вам отчество «Викторович». Мне просто интересно, чем вы руководствовались, выбрав именно это отчество? Благозвучие?

– Благозвучие ни при чем. Когда я родился, отец уже был Виктором. Значит, я сын Виктора, а не Бориса. Вот и все.

– Ну а фамилия Фертушный? Она вам не нравится?

– Дело не в том, нравится она мне или нет. Зачем мне менять фамилию, когда я уже сорок три года Феро? А, Василий Денисович?

Луи впервые заметил мелькнувшее во взгляде министра подобострастие. Все понятно. Министр внутренних дел Василий Денисович Пегов, как и все его окружение, упакован. И отлично знает, что будет упакован еще больше.

Министр поднял обе руки:

– Леонид Викторович, я предупредил, я спрашиваю просто из любопытства. – Помолчал. – Думаю, я не имею права вас больше задерживать. Вы еще не окрепли, да и дел у вас наверняка много. Впрочем, как и у меня.

– Верно, Василий Денисович. Спасибо, что лично вручили мне паспорт.

– Всегда рад. – Министр встал. – Если позволите, я провожу вас.

– Спасибо.

Напоследок обменявшись с министром рукопожатием у двери, Луи вышел в приемную. Сидевшие в креслах Рудольф и Стрекалов при его появлении встали. Рудольф спросил:

– Все в порядке?

– Да. Паспорт у меня.

Стрекалов вывел их на улицу, они сели в машину. Рудольф обернулся:

– Теперь куда?

– К Дому журналиста.

Снова развернувшись на Якиманке, Рудольф миновал оба Каменных моста и Волхонку и остановил машину недалеко от Дома журналиста.

Из «плимута» они вышли вчетвером. Володя и его напарник, оставив одного охранника в машине, двигались чуть сзади.

Подойдя к старинному особняку, спрятавшемуся в глубине заросшего деревьями и кустарником палисадника, все четверо остановились. Осмотрев здание, Рудольф сказал:

– Ничего игрушка.

– Неплохая, – согласился Луи. Теперь это странное здание рядом с Домом журналиста станет его резиденцией.

Дом журналиста всегда ему нравился. Отныне он сможет заходить по соседству в его ресторан.

Глава 10

Седов нажал кнопку звонка. Дверь открылась почти сразу же. За ней, одетый в просторный серый пуловер, стоял Гушин.

– Заходи. – Пропустил его в квартиру, взял за плечи. – Ну что? Как ты?

Встретив настороженный взгляд, Седов улыбнулся:

– Виктор Александрович, все нормально.

– Не провал?

– Никакого провала. Есть трудности, но у кого их не бывает?

– Трудности... – Гушин отпустил его плечи. – Ладно, проходи.

Они прошли в комнату. Гушин сел за стол.

– Рассказывай. Что там, какие у тебя трудности. Седов коротко рассказал о стычке с талышами и о требовании Куманькова.

Гушин некоторое время занимался изучением линий жизни, творчества и здоровья на собственной левой руке. Наконец, положив руку ладонью на стол, поморщился:

– Я немного не рассчитал с паспортом. В смысле, не подумал, что Куманьков потребует за него так много.

– Я сам этого не ожидал.

– А Куманьков потребовал так много, потому что пове-

рил, будто смерть Лукмаса и Будникова – фальшак. И деньги у тебя есть. Навел же Куманькова на эту мысль Шлепа, которого Куманьков вызвал к себе сразу же после твоей стычки с талышами. Шлепа раскололся. А потом рассказал обо всем Хрулеву, который и занимается сейчас всем этим. Уже третий день.

– Он нашел что-нибудь?

– Сказал только по телефону, что эту группу в Москве знают. Он вот-вот должен подъехать. – Гушин рассеянно подвигал мышку выключенного компьютера. – Из твоего рассказа я понял, что Комарик и Куманьков вели себя так, будто что-то знали про этих талышей?

– Комарик, хоть и содрал с них деньги, держался с ними очень осторожно. Ну а Куманьков... Мне показалось, он умышленно не обратил на этих талышей никакого внимания. Они, без сомнения, завязаны. Заня тоже наверняка имеет с ними какой-то скрытый контакт.

– Возможно, эти талыши как-то связаны с Тофиком Бакинцем?

– Возможно.

– И тот предупредил о них Заню. А Заня мог сказать о них тем, кому счел нужным. Тем же Комарику и Куманькову.

В прихожей раздались три звонка – два коротких, один длинный. Гушин встал:

– Хрулев. Пойду открою.

Войдя в комнату вместе с Гушиным, капитан округлил

глаза:

– Юра, ты ли это? Не встретить я тебя здесь, не узнал бы ни за какие коврижки.

– Не похож?

– Подожди... – Хрулев сделал вид, что вглядывается. – Да нет, отдаленное сходство есть. – Пожав ему руку, сел. – Рад видеть. Как вообще дела?

– Вообще ничего, а у тебя?

– У меня тоже. Ближе к делу. Виктор Александрович, я наконец могу рассказать вам хоть что-то.

– Жду с нетерпением.

– Но сначала – демонстрация экспонатов. – Достав из кармана куртки конверт, Хрулев вытащил из него четыре фотографии. Разложил на столе жестом фокусника, посмотрел на Седова: – Юра, твои?

Седов не сразу, но узнал четверых, подошедших к нему на рынке. Изучив фотографии внимательней, кивнул:

– Да, это та самая четверка.

– Тогда имею честь представить. По очереди, слева направо: Вагиф Саидов по кличке Сулик, Мамед Абдуразаков, кличка Мамо, Зейнулла Алиев, он же Зорик, и вот последний, Таллят Ибрагимов, кличка Слон. Коммандос, прошли в свое время школу отрядов СОБР российского спецназа. Почти сразу после окончания учебного отряда дезертировали, чтобы тут же влиться в состав так называемой Объединенной армии народов Кавказа. Воевали в Абхазии, начудили

там изрядно. Уличены в мародерстве, в Грузии объявлены военными преступниками. Сейчас ушли из политики, став обыкновенной преступной группой. Последнее время постоянно трутся в Москве.

– К какой группировке они примыкают? – спросил Гушин.

– Ни к какой. Но, думаю, как талыши, очень даже могут принимать заказы у Тофика Бакинца. Гушин по очереди просмотрел все четыре фотографии.

– Насколько я знаю, талыши – народность на Кавказе. Да?

– Правильно, Виктор Александрович. Но с одной поправкой: очень маленькая народность на Кавказе, их всего несколько десятков тысяч человек. Живут на крайнем юге Азербайджана, в Талышских горах, в основном в трех районах: Астарском, Лерикском и Ярдымлинском. Я там работал некоторое время, кое-что знаю. К сегодняшнему дню почти половина талышей записана в документы азербайджанцами, поскольку азербайджанцы усиленно подвергали их искусственной ассимиляции. Вообще, с азербайджанцами у талышей очень сложные отношения.

– Не скажи ты мне... – Гушин взял одну из фотографий. – Не скажи ты мне, что это талыши, я бы подумал, это азербайджанцы.

– Внешне у них много общего с азербайджанцами, но это два разных народа. И главное, два разных языка.

Собрав фотографии в одну стопку, Гушин сказал:

– Ладно, добры молодцы, давайте думать.

– Давайте, – согласился Хрулев.

– Если бы вы были Тофиком Бакинцем и вам нужно было бы бесследно убрать Балмакова – подрядили бы вы этих ребят?

Некоторое время оба сидели молча. Наконец Хрулев сказал:

– Я бы точно подрядил.

– А ты, Юра?

Заметив, что Седов молчит, Хрулев сказал:

– Плечо небось болит?

– Плечо прошло, мякоть заживает быстро. Но ребята в самом деле лихие. Я еле выкрутился. Кстати, ты быстро вычислил эту четверку.

– Старался.

– Компьютер?

– Компьютер был тоже, но в основном я вычислил их через свои ресторанные знакомства. Стал спрашивать о четырех талышах, выяснил, что неких четырех талышей часто видели в «Баку» и «Ленкорани». Принялся наводить справки, один знакомый халдей обмолвился: дескать, он слышал, что да, есть такие, и он знает, что они якобы прошли подготовку в спецназе ФСБ. Я запросил файлы из военкоматов. Остальное, ты прав, была уже чисто компьютерная работа.

– Возможно, я бы их и подрядил, – сказал Седов. – На всякий случай запиши номера двух трейлеров. Очень может

быть, что это те самые трейлеры, которые в день исчезновения Балмакова почти сразу же уехали с рынка. Один из этих трейлеров охранники называют «талышским», и он связан с этой четверкой.

– Диктуй. – Хрулев записал номера в блокнот. – Все, за метано.

Буду выяснять. Гущин отодвинул снимки:

– Вот что, Женя, я вроде тебя отвлек?

– Намек понял. – Хрулев встал. – Я могу снова возвращаться к делу?

– Да. Спасибо, что быстро приехал.

– Я всегда быстро приезжаю. Всем общий привет.

– Счастливо, – сказал Седов.

Дождавшись, пока за Хрулевым захлопнется дверь, Гущин произнес:

– Подожди. У меня чай заваренный на кухне, под матрешкой. Принесу тебе и себе. Выпьешь?

– От чая я никогда не отказываюсь, вы знаете.

Гущин ушел на кухню и вскоре вернулся с двумя стаканами чая. Поставил один стакан перед Седовым, мягко положил ладонь на его руку:

– Юра, я все понимаю. Понимаю, что эти сорок тысяч нужны, что они идеально закрепят твою легенду. Но, Юра, мы с тобой сейчас должны думать не об этих сорока тысячах. Меня как раз эти сорок тысяч волнуют меньше всего. Первый этап пройден. Ты внедрен в систему, ты уже вошел

в нее. Разрабатывать тех, кто мог убрать Балмакова, можно без тебя. Поэтому на Бутырском рынке тебе больше делать нечего.

Гущин прав, подумал Седов. Он и сам считал, что его миссия на Бутырском рынке себя исчерпала. Отхлебнув из своего стакана, сказал:

– Но сорок тысяч отдавать все равно придется.

– Придется. Всю сумму мне начальство, конечно, не даст, но какую-то часть я выбить смогу. Отдашь Зане эту часть, остальное пообещаешь отдать потом. И уйдешь с Бутырского рынка.

– Уйду – и что дальше? Гущин посмотрел искоса:

– Займись Луи Феро. Сейчас, после покушения, он озабочен собственной безопасностью. Это делает его уязвимым. – Гущин помолчал. – Что ты скажешь насчет того, чтобы открыть частное охранное агентство?

– Частное охранное агентство?

– Как тебе идея?

– Идея отличная. Но для того, чтобы открыть такое охранное агентство, нужны деньги.

– Ты достанешь.

– Каким образом?

– Возьмешь ссуду в банке. Миллион долларов.

– Боюсь, Виктор Александрович, мне, Алексею Федорову по кличке Федя, такую ссуду не даст ни один банк в мире.

– Даже Алексею Федорову по кличке Федя приличный

российский банк вполне может дать миллион – если он эту идею подаст банку красиво. И убедит руководство, что открытое им агентство сразу же начнет приносить доход. Если же при этом руководство банка каким-то образом прознает, что ссуду просит не Алексей Федоров, а Геннадий Будников, за которым стоят деньги Лукмаса, оно наверняка раскошется.

– Не уверен в этом, Виктор Александрович.

– Но попробовать можно?

– Ну... конечно, попробовать можно.

– Ладно. Давай не будем спешить. Заня ведь дал тебе неделю? Вот и езжай пока домой. А завтра, примерно в эти же часы, к девяти-десяти, приходи сюда. Я за это время попробую нащупать какие-то ходы. Может, что-то в голову придет и тебе.

Глава 11

Выйдя из квартиры и спустившись вниз, Седов сел в стоящий у тротуара «москвич». Впереди был целый день, и он стал думать, куда может сейчас поехать. Все же в первую очередь он должен попасть наконец в свою настоящую квартиру, на 3-ю Владимирскую. С момента, как он стал Алексеем Федоровым, он жил на подставной квартире в районе Миусской площади, куда, естественно, не приходило никакой почты. Ключ от почтового ящика на 3-й Владимирской он, как всегда, оставил соседке по лестничной площадке. Службная почта к нему домой не приходила, с живущими в Петербурге родителями переговаривался по телефону, поэтому писем от них тоже не ждал. Но он был подписан на «Известия», «Литературку» и «Вечерку», так что сможет сейчас хотя бы забрать газеты.

Выехал по набережной Москвы-реки к Таганке. Миновав несколько привычных в это время дня заторов у перекрестков, выбрался в конце концов на шоссе Энтузиастов – и, дав полный газ, уже минут через десять был дома.

Позвонил в дверь к соседке, она открыла, заулыбалась:

– Юрочка, приехал... Как съездил-то?

– Все в порядке, Мария Афанасьевна.

– Совсем вернулся-то?

– Нет, Мария Афанасьевна, опять уезжаю. Так что корре-

спонденцию продолжайте доставать. Если не трудно.

Соседка вынесла набитый газетами полиэтиленовый пакет.

В квартире Седова стоял запах затхлости, пыли, слежавшейся бумаги и еще чего-то трудноуловимого, что очень точно определяется как запах нежилья.

Пройдя в спальню, настежь распахнул окна. От ударившего в грудь холодного осеннего воздуха сразу стало легче.

Несколько минут стоял, разглядывая открывшийся из окон вид на Измайловский лесопарк. Знакомая картина... Облетевшие темные деревья, изредка поднимающиеся над ними стаи ворон, тяжелые осенние облака над уходящим вдаль лесом.

Пройдя на кухню, заглянул в холодильник. Здесь, если не считать двух коробок с бульонными кубиками, было пусто. От яичницы он бы не отказался, но подумал, что ему вполне хватит чашки кофе.

Заварив кофе, вернулся с чашкой в спальню. Взял пакет, сел в кресло, придвинул журнальный столик – и начал не спеша разбирать почту.

Как он и ожидал, писем оказалось мало. Писали из общества охотников и городского яхт-клуба, приглашая на очередные собрания, два напоминания с просьбой вернуть книгу прислала библиотека, которой он до сих пор не отдал подшивку журнала «Секретный путеводитель по компьютерам».

Допил кофе и стал сортировать газеты. Машинально пере-

бирая и расправляя согнутые газетные полосы, нашел среди них еще одно письмо.

Конверт был узким и длинным, из тех, которыми в России пользуются крайне редко.

Прочел обратный адрес, написанный по-английски: «От мистера Джеймса Стюарта, 14, Беннетт-Роуд, Дюмон, штат Нью-Джерси, США». Это был адрес отца Аллы.

Его опять охватила тоска. Тупая, ватная, безнадежная тоска.

Посмотрел в распахнутое окно. Подумал: будь оно все проклято. Это будет всегда. Любое напоминание об Алле, абсолютно любое, всегда будет вызывать у него приступ тупой отчаянной тоски. Он знает, он никогда не сможет смириться со смертью Аллы. Никогда не сможет поверить, что она вдруг ни с того ни с сего, ничего ему не объяснив, ничего не сказав, взяла и ушла, исчезла, растворилась в небытии. Не сможет.

В первом письме, которое ему прислали сразу после смерти Аллы ее родители, они просто уведомляли его, что Алла погибла в автомобильной катастрофе. И все. Непонятно, зачем они прислали ему второе письмо.

Взяв ножницы, вскрыл конверт. Достал листок, прочел короткое послание:

«Уважаемый мистер Седов! Заранее прошу прощения, что вынужден побеспокоить Вас еще раз. Приводя в порядок бумаги моей дочери Эллен после

ее смерти, я выяснил, что на ее счете в «Чейз Манхэттен банк» лежит довольно большая сумма денег, записанная на Ваше имя. Для того чтобы Вы получили эти деньги, необходимо Ваше физическое присутствие в США. Прошу выяснить, как скоро Вы сможете вылететь в Нью-Йорк, и заранее сообщить номер Вашего рейса. Я Вас встречу. Все расходы, связанные с проездом и пребыванием в США, моя семья берет на себя.

С уважением, искренне Ваши Джеймс Стюарт».

Отложив письмо, подумал: большая сумма денег... Конечно, он помнил про миллион сорок тысяч долларов, которые они вместе с Аллой нашли на яхте, в тайнике за телевизором. Перед отлетом Алла как-то туманно сказала ему о том, что, хоть она и положила эти деньги на свой счет, это отнюдь не значит, что деньги будут принадлежать только ей. Ясно, он тогда не придал этим ее словам никакого значения. И довольно скоро о них забыл.

Если речь действительно идет о тех самых одном миллионе сорока тысячах долларов – это не его деньги. Это деньги Глеба.

Еще раз прочитав письмо, спрятал его в конверт. Подумал: хорошо, завтра, когда он поедет к Гущину, он возьмет это письмо с собой.

Глава 12

Письмо, которое Седов показал ему утром, Гушин прочел несколько раз. Покончив с листком, занялся изучением конверта.

Наконец сказал:

– Штемпель на конверте видел?

– Видел. Судя по штемпелю, из США письмо было отправлено двадцать три дня тому назад.

– Вот я про то и говорю. Ты уже давно должен был ответить.

– Ответить – что?

– Что ты вылетаешь. – Вложив листок в конверт, Гушин протянул его Седову. – Держи.

Седов положил конверт на стол.

– Вы считаете, я должен вылететь?

– Обязательно. Причем вылететь немедленно. И получить деньги, о которых сообщается в письме.

– Но... – Седов посмотрел на Гушина. – Я ведь даже не знаю, что это за деньги.

– Так уж и не знаешь? Ты ведь рассказывал о миллионе сорока тысячах долларов, которые Довгань оставил Алле? И которые она положила на свой счет.

– Рассказывал.

– Скорее всего, это те самые деньги.

– Возможно.

– Вот и получи их.

– Виктор Александрович, но я не могу получить эти деньги.

– Почему?

– Они принадлежали Довганю, а Довгань оставил их Алле. Это не мои деньги.

– Понимаю, Юра. Очень хорошо все понимаю. – Гушин довольно долго смотрел на него. – А теперь послушай меня. Послушай внимательно. Мы с тобой, помимо всего прочего, юристы и понимаем, что, раз ни Довганя, ни Аллы уже нет, речь в первую очередь должна идти об их наследниках и родственниках. Но у Довганя наследников и родственников не осталось, ты мне говорил об этом сам.

– Но остались родственники Аллы.

– Объясняю все, что касается родственников Аллы. Как ты думаешь, Алла рассказала отцу о том, что она несколько месяцев жила с Довганем фактически на правах жены?

– Не знаю. Могла рассказать, а могла и не рассказать.

– Согласен. Но узнать об этом уже после смерти дочери ее отец ведь мог вполне?

– Да, конечно.

– Но даже если он не узнал об этом, он легко мог определить, что миллион сорок тысяч долларов, о которых мы ведем речь, появились на счете его дочери после того, как она вернулась из России. Так?

– Так.

– Он, Джеймс Стюарт, конгрессмен, знает что-нибудь о происхождении этих денег, миллиона сорока тысяч долларов, привезенных из России?

– Нет, конечно. Сама Алла не знала об этом.

– А теперь подумай сам. Вспомни лекции по зарубежному госустройству, которое ты проходил в академии.

– Я их помню.

– Если помнишь, то должен знать, что члены правительства и законодательных органов США, каковым является и Джеймс Стюарт, обязаны регулярно ставить в известность определенные инстанции, в первую очередь комитеты конгресса, об источниках своих доходов. Нужно ли Джеймсу Стюарту, чтобы кто-то обнаружил, что на его счете лежат один миллион сорок тысяч долларов неизвестного происхождения, попавшие к нему из России?

– Нет, не нужно.

– Вот и я так думаю. Если об этом узнают, это будет стоить Стюарту политической карьеры. Деньги, о которых тебе пишет Стюарт, нам послала сама судьба. Они висят в воздухе, они не принадлежат никому. Лично я представляю себе дело так: отец Аллы, конгрессмен Стюарт, хочет от них избавиться всеми возможными способами. Так пусть эти деньги будут принадлежать охранному агентству, которое мы хотим открыть. Тем ли, иным путем – но эти деньги в таком случае пойдут на правое дело. Или ты не согласен?

Седов усмехнулся:

– Ну, Виктор Александрович... Вы даете.

– Неужели ты не согласен?

– Да нет, согласен.

– Если согласен, быстро бери зубную щетку и смену белья – и езжай в Шереметьево. Покупай билет до Нью-Йорка, отбивай телеграмму Джеймсу Стюарту с указанием номера рейса – и в путь. Пять тысяч долларов у тебя ведь в сохранности?

– В сохранности.

– Две тысячи из этих пяти тебе придется сейчас отдать Хрулеву. Он по своим каналам сделает тебе блатной загранпаспорт. По своему загранпаспорту, на имя Седова, ты ведь выехать не можешь. Тем более это Шереметьево, вотчина Тофика Бакинца. Там все просвечивается насквозь.

– Понял, Виктор Александрович.

– Езжай, я с Хрулевым свяжусь. Он найдет тебя в Шереметьеве. Да, еще одно. Учти, для твоей легенды нужно, чтобы деньги, о которых пишет Стюарт, были переведены не в Россию, а на твой счет в каком-нибудь иностранном банке. Лучше всего в американском. Так что открой в Нью-Йорке свой счет, думаю, с этим тебе поможет Стюарт. Причем счет открой на настоящее имя, на имя Юрия Седова, иначе Стюарт запутается. Так что настоящий паспорт тоже возьми. И вот что. Постарайся, чтобы у тебя сложились хорошие отношения с Джеймсом Стюартом.

– Постараюсь.

– А если постараяешься, попроси его порекомендовать тебе хорошего адвоката. Который помог бы тебе открыть счет в Нью-Йорке.

– Хорошо, Виктор Александрович.

– А когда ты станешь говорить с этим адвокатом, скажи ему, что счет в Нью-Йорке ты открываешь на одну фамилию, а охрannое агентство в Москве – на другую. На имя и фамилию Алексей Федоров.

– Как я ему это объясню?

– Интересами бизнеса. Скажи, что имя и фамилию Алексей Федоров ты выбрал как псевдоним. Под которым и собираешься вести дело в Москве. И предупреди, чтобы он учитывал это, когда на одну из этих фамилий в его адвокатскую контору в Нью-Йорк будут приходить запросы. Понял?

– Понял.

– Есть какие-то вопросы?

– Как я должен вести себя со Стюартом?

Несколько секунд Гущин, нахмурившись, вглядывался в него. Наконец, обняв за плечи, прошел с ним к двери. Улыбнулся:

– Ты должен вести себя со Стюартом, будто этого нашего разговора не было. В частности, и в том, что касается денег. Развей тему, что это не твои деньги. Но не очень настойчиво. – Похлопал его по плечу. – Ладно, счастливого полета. Особо не задерживайся, Заня ведь дал тебе только неделю.

Глава 13

На работе член правления банка «Витязь» Виталий Хайдаров появился в половине двенадцатого дня. Ожидавших его охранников, а также помощника Равиля Таллаева это нисколько не удивило, они знали, их шеф редко придерживается рабочего расписания. Он может появиться в банке в любое время – в шесть вечера, в двенадцать ночи, а то и в пять утра.

После того как стальные ворота открылись и темно-синий «мерседес» въехал во двор, Хайдаров, не обращая внимания на тех, кто его встречал, вошел в здание. Выше среднего роста, светловолосый, голубоглазый, одетый в скромный, но очень дорогой темно-серый фланелевый костюм от лондонского «Сэвил Роу», Хайдаров выглядел типичным преуспевающим европейцем. Его внешний вид говорил о том, что это современный деловой человек, подтянутый, тренированный, с отличными манерами, человек, каждая минута которого и каждая встреча расписаны на несколько недель вперед.

Войдя вместе с Таллаевым в персональный лифт, ведущий прямо к нему в кабинет, Хайдаров на языке таджикских памирцев, который во всем банке знали только они двое, бросил: «Рассказывай, слушаю».

Пока Таллаев докладывал обстановку, лифт медленно

полз вверх. Шестиэтажный особняк конца XIX века, в котором размещалась штаб-квартира одного из крупнейших банков России, стоял в самом центре Москвы. Когда-то это здание, облезлое, серое и мало чем примечательное, было занято множеством мелких учреждений и несколькими оставшимися еще с довоенной поры коммунальными квартирами, но, после того как здание было приобретено банком «Витязь», все изменилось. Мелкие учреждения и жильцы коммунальных квартир были расселены по разным местам Москвы, и за рекордно короткий срок хозяева здания обновили здесь все, вплоть до последнего гвоздя. Были сменены даже междуэтажные перекрытия, выполненные из дерева, – новые владельцы банка заменили их перекрытиями из сверхпрочной нержавеющей легированной стали, изготовленными по их заказу в Германии, на крупновских заводах. Не пожалели хозяева денег и на внутреннюю отделку, выполненную на уровне мировых стандартов.

Дом занимал идеальную для банка точку: с Арбата он был закрыт комплексом зданий Министерства обороны, со стороны Кремля – правым крылом Государственной центральной публичной библиотеки, и даже со стороны входа банк ухитрился тщательно замаскироваться, выходя на улицу лишь примыкающим к нему скромным двухэтажным флигельком. Дополняла удобное расположение мощная, продуманная и хорошо организованная охрана. Даже пройдя в банк, любой посетитель не оставался предоставлен-

ным самому себе: в случае необходимости каждый его шаг фиксировался видеокамерами и контролировался операторами, сидящими у телемониторов Центрального поста охраны. При любой подозрительной ситуации они тут же предупреждали по телефону охранников, находящихся практически в каждом помещении банка.

Главным этажом здания считался второй, где располагалась приемная председателя правления банка Станислава Лавлинского. Попастъ сюда и удостоиться чести лично поговорить с Лавлинским было чрезвычайно трудно. Записаться на прием к Лавлинскому могли лишь избранные, и оказаться в сверкающей роскошью приемной, где сидели две секретарши и три помощника, было все равно что попасть в святая святых.

Безусловно, Лавлинский, один из богатейших людей России, мог решить в банке многое. Но не все. Реально же человеком, который мог решить в банке все, был член правления банка, бывший полковник ФСБ Виталий Хайдаров. Ему едва перевалило за сорок, он пришел в банк с момента его основания и, начав с поста директора службы безопасности, сделал стремительную карьеру – став при этом еще и обладателем крупного состояния. Именно он реально определял сейчас политику банка, и посвященные знали, что на самом деле главным этажом банка нужно считать не второй, где располагается приемная Лавлинского, а третий, где находится кабинет Хайдарова. Но об этом знали лишь единицы.

Оказавшись в своем кабинете, который с таким же успехом можно было назвать и небольшим залом, Хайдаров сел в одно из кресел и закурил. Стряхнув пепел в стоящую на журнальном столике серебряную пепельницу, спросил:

– Что еще?

Таллаев, приземистый плотный рыжеволосый человек, сказал на том же языке:

– Хозяин, в приемной с утра сидело много народа.

– Этого следовало ожидать. Что, они и сейчас там?

– Сейчас почти все ушли, осталось только три человека.

– Среди тех, кто меня ждет, есть человек, которого зовут Владимир Авдонин?

– Есть.

– Давно он пришел?

– Минут пятнадцать назад.

– Понятно. Ты пытался еще раз связаться с Феро?

– Я несколько раз звонил ему утром. Днем же по моему поручению ему постоянно звонили секретарша и второй помощник.

– И что?

– Безрезультатно. Трубку все время поднимала секретарша.

– Что говорила?

– Говорила, что ее шефа нет, а сама она ничего не знает.

– То есть Феро дал нам понять, что к нам в банк он не придет точно. А?

Таллаев сказал сдержанно:

– Вам судить, хозяин.

Пригасив сигарету и оставив ее в пепельнице, Хайдаров встал. Прошелся по кабинету, сел за стол.

– Ладно. Попробую заняться этим сам. Мне нужно с ним встретиться во что бы то ни стало. Он должен поверить, что я хочу пойти с ним на мировую. И что бомбу под его машину подложил не я.

– Нужна моя помощь?

– Нет, тут ты ничем не поможешь. Не забудь о приезде Рустамбека.

– Я все помню, хозяин. Стол в гостиной уже сервирован.

– Смотри. Он будет в двенадцать.

– Хозяин, я все сделаю, как вы сказали. Окажу ему всяческие знаки почтения, перехвачу машину, во двор он въедет без досмотра, охрана предупреждена. Вместе с ним поднимусь в лифте прямо сюда.

– В гостиную.

– Конечно, хозяин. Я имел в виду именно гостиную.

– Ладно. Сейчас зови Авдонина. Перед остальными извинись, объясни, что меня срочно вызвали на важное совещание. Скажи, всех их я приму на следующей неделе.

– Слушаюсь, хозяин.

Таллаев вышел. Встав из-за стола, Хайдаров прошел в дальний конец кабинета. Кабинет с просторным рабочим столом и мягкой мебелью был обставлен с большим вкусом.

На столе, если не считать коммутатора и компьютера, стояли лишь два серебряных канделябра работы Фаберже и стилизованный под XIX век хрустальный стакан, в котором размещались ручки и карандаши. На стенах висели две большие картины, подлинники Верещагина и Айвазовского. За дверью, замаскированной под книжный шкаф, находились скрытые апартаменты со всеми удобствами, где при желании можно было переодеться, отдохнуть и переночевать. Рядом с кабинетом была оборудована гостиная для приема особо важных гостей, стол в ней сейчас был накрыт для ланча а-ля фуршет.

Постояв в гостиной, Хайдаров вернулся к письменному столу. Почти тут же в кабинет вошел Владимир Авдонин.

Плотный и мощный охранник, работавший сначала на даче Анри Балбоcha, а теперь перешедший в охрану Феро, был одет в простую парусиновую куртку и джинсы. Войдя, сказал с некоторым упреком:

– Здравствуйте, Виталий Хайдарович. У меня летят все сроки. Если я задержусь, Гутин может что-то заподозрить.

– Ты не задержишься. Спасибо, что пришел. Мы коротко. Садись.

Авдонин сел в кресло, Хайдаров – за стол. Некоторое время хозяин кабинета смотрел на гостя в упор. Наконец сказал:

– Забыл спросить – слежки не было?

– Не знаю, Виталий Хайдарович. Думаю, нет. Я специально даже Волхонку проехал два раза.

– Понятно. – Хайдаров помолчал. – А в остальном как?

– В смысле?

– Все без изменений? Луи не хочет встречи?

– Я старался не влезать в эти разговоры. Но, судя по тому, о чем они говорили с Рудиком, Луи не прочь встретиться с вами. Просто он считает, что для этого разговора не он должен ехать к вам, а вы к нему.

Некоторое время Хайдаров с каменным лицом разглядывал обтянутую кожей столешницу. Спросил, не поднимая глаз:

– Считаешь, он по-прежнему думает, что покушение на него совершил я?

– Он думает на всех. И на вас в том числе.

– Слишком уж чрезмерная осторожность. Выпьешь что-нибудь?

– Нет, спасибо. На работе я не пью. Сейчас же, считаю, я на работе.

– Смотри.

Подойдя к бару, Хайдаров налил в стакан виски, бросил кубик льда. Пригубив, сказал:

– Ты ведь хорошо его знаешь?

– Достаточно хорошо.

– Как это сделать – с ним поговорить?

– Думаю, лучше будет, если вы просто наберете номер его пейджера. И сообщите, что готовы встретиться с ним на его условиях. В любом месте, которое он предложит.

– А где я могу с ним встретиться? В «Метрополе»?

– Он уже не бывает в «Метрополе».

– Это новость... – Хайдаров поставил стакан. – Где же он бывает?

– В Доме журналиста.

– Неплохое место. Что еще слышно? Как старик?

– Старик слаб. Бригада реаниматоров с дачи не уезжает.

– Дышит на ладан?

– Вроде того.

– Но в сознании?

– В сознании. Но двигается уже с трудом. Большую часть времени передвигается по даче в коляске.

– Что насчет наследника?

– С наследником вопрос решен.

– Луи?

– Да. Балбоч считает, Луи заменил ему сына. И в соответствии с этим составил завешание.

Покончив с виски одним глотком, Хайдаров некоторое время сосредоточенно разглядывал пустой стакан. Улыбнулся:

– Прекрасно. Ладно, Володя, все. Да, двадцать тысяч долларов можешь получить сразу же. Как ты считаешь, за одну встречу это достаточная сумма?

После некоторой паузы Авдонин сказал:

– Думаю, да.

– Форма оплаты? Наличными? Чеком?

– Я бы предпочел, чтобы вы, как всегда, перевели деньги на мой офшорный счет.

– Кажется, Багамы, банк «Барклайз»?

– Да.

– Только я забыл номер счета.

Авдонин назвал номер счета. Хайдаров включил компьютер, его пальцы быстро забегали по клавишам. Закончив, выключил машину.

– Все. Деньги на твоем счете.

Авдонин встал. Поднявшись вслед за ним, Хайдаров проводил его до двери.

– Еще раз спасибо, Володя, что пришел. Связываемся, как обычно?

– Да. Если я вам понадобится, наберите номер моего пейджера. И я перезвоню.

– Договорились.

Авдонин вышел. Прикрыв за ним дверь, хозяин кабинета вернулся к столу. Почти тут же загудел сотовый телефон. Хайдаров поднес трубку к уху:

– Да? Ответил голос одного из охранников:

– Рустамбек уже здесь. Он приехал с телохранителем. Сейчас они вместе с Таллаевым идут к лифту.

– Понял.

– Будут распоряжения, шеф?

– Никаких. Стойте, где стоите.

Спрятав телефон, Хайдаров подошел к дверям лифта.

Двери открылись, в центре лифта, одетый в строгий, отлично сшитый синий костюм, стоял Рустамбек. За ним, на шаг сзади, – Таллаев. Еще дальше, в глубине лифта, настороженно застыл рослый телохранитель, по всей видимости, иранец.

Хайдаров заговорил первым, на фарси:

– Рад видеть вас, дорогой господин Рустамбек. Рустамбек улыбнулся:

– Я тоже очень рад видеть вас, дорогой господин Хайдаров.

– Проходите, дорогой господин Рустамбек. Ваш человек может пройти с вами.

– О... – Рустамбек обернулся. – Он мне не нужен. Эльдер, подожди внизу.

– Ты, Равиль, тоже подожди внизу, – сказал Хайдаров.

После того как двери закрылись и лифт уехал, двое прошли в гостиную.

– Легкий ланч? – спросил Хайдаров.

Оглядев стол, Рустамбек поднял брови:

– Пожалуй. Отказываться от такого стола – грех.

– Что-нибудь выпьете? Шампанское?

– Если можно, что-нибудь покрепче.

– Мартини?

– Пожалуй.

– Если позволите, я приготовлю. – Хайдаров сделал коктейль себе и Рустамбеку. – Прошу, господин Рустамбек, угощайтесь. Свежие устрицы, икра, крабы. Я знаю, вы любите

дары моря.

– Есть такая слабость, люблю. – Положив на тарелку несколько устриц и кусочек краба, Рустамбек поднял стакан: – За встречу, господин Хайдаров?

– За встречу, господин Рустамбек! Но только садитесь. Мы с вами выросли здесь, есть стоя не в наших правилах. Так ведь?

– Верно, в ногах правды нет. Сядем.

Сев и пригубив martini, оба принялись за еду. Хайдаров подал пример, съев ломтик краба и тост с черной икрой, Рустамбек занялся устрицами. Изредка они обменивались ничего не значащими замечаниями. Наконец, после того как оба еще раз пригубили martini, Рустамбек, промокнув рот салфеткой, посмотрел на хозяина:

– Отличные устрицы. Давно не ел таких.

– Рад слышать. Берите еще.

– Спасибо. Устрицы очень питательны, я стараюсь быть в форме.

– Вы в прекрасной форме, господин Рустамбек. Сигару?

– Не курю. Но вы можете курить, мне дым не мешает.

– Спасибо. – Хайдаров достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Затянувшись, посмотрел на гостя. – Знаете, у меня есть одна идея, которую я хотел бы с вами обсудить. Интересная идея.

– Идея – это хорошо. И мы ее обязательно обсудим. – Рустамбек сцепил пальцы. – Но сначала, господин Хайдаров, я

хотел бы поговорить с вами начистоту.

– С удовольствием, господин Рустамбек.

– И поставить все на свои места.

Хайдаров улыбнулся, хотя глаза его чуть сузились.

– Внимательно слушаю, господин Рустамбек.

– Отдаю вам должное, вы прекрасно руководите своим банком. То, какое место сейчас занял «Росэнергобанк» в мировом рейтинге, – целиком ваша заслуга. Но мы с господином Талаяти хотим быть уверены, что вы честный партнер.

– Вы сомневаетесь, что я честный партнер?

– Нисколько. Но бывает, что и честные партнеры пытаются вести двойную игру. И не выполняют то, что обещали выполнить.

– Господин Рустамбек... Вы ведь отлично знаете, если я обещал что-то – я это выполняю.

Встав, Рустамбек подошел к одной из висевших на стене гостиной картин. Повернулся:

– К сожалению, в случае с Луи Феро этого не произошло. Или я не прав?

– Правы, но не совсем. В случае с Луи Феро взрыв все-таки состоялся.

– Состоялся. Но Феро при этом остался жив.

– Остался жив, потому что его спасла случайность. В другой раз этой случайности не произойдет.

– Будем надеяться. – Сев за стол, Рустамбек улыбнулся. Поднял стакан: – Хочу сказать, что в целом господин Тала-

яти и я довольны вашей деятельностью.

– Спасибо. Я очень ценю ваше доверие.

– Так что остается лишь выпить за то, чтобы случайности нам не мешали.

– Хороший тост, господин Рустамбек. Выпьем за это. Даю вам слово, Феро будет устранен.

– Господин Талаяти пожурил вас. Но в то же время попросил передать вам благодарность.

– Благодарность за что?

– За то, что вчера поздно вечером указ об утверждении победителя конкурса на приобретение концерна «Комлин» был подписан президентом России. И мы, я имею в виду концерн господина Талаяти «Истерн интерконтинентал», стали одними из совладельцев.

Положив сигарету в пепельницу, Хайдаров театрально развел руками:

– Господин Рустамбек! С вами невозможно работать...

– Это почему?

– Я собирался вас удивить. А вы уже все знаете. У вас отличная агентура.

– Неплохая.

– Думаю, вы знаете также, что все обоснования для указа были подготовлены Петраковым, а указ на подпись к президенту отнес лично премьер-министр. Сегодня утром я специально ездил в Кремль, чтобы убедиться в том, что указ подписан.

– Да, все это я знаю. Важно, что условия остались теми же.

– Они остались теми же. Доля, принадлежащая концерну «Истерн интерконтинентал», будет максимальной для иностранной компании – сорок девять процентов. Если учесть, что из российских пятидесяти одного процента десять процентов принадлежат нашему банку, вопрос распоряжения капиталом «Комлина» будет решаться однозначно.

– Надеюсь.

– Мы, я имею в виду концерн «Истерн интерконтинентал» и банк «Витязь», стали теперь де-факто полновластными хозяевами всей системы связи России. А в ней как-никак ежегодно крутится более сорока миллиардов долларов.

– Это серьезное достижение. Но мы должны думать о главном. Об избрании нового президента России.

– Полностью с вами согласен. Я считаю, Петр Николаевич Петраков достоин стать президентом.

– Безусловно.

Наступила короткая пауза. Рустамбек, съев устрицу, снова промокнул рот салфеткой. Откинулся на стуле:

– Господин Хайдаров, я знаю, вы честолюбивый человек. И не можете не относиться ревниво к появлению в банке «Витязь» человека, с которым вы вынуждены теперь делить властные полномочия. Я говорю о Владимире Лапике.

– Господин Рустамбек, уверяю вас, у меня нет никакой ревности.

– Есть, есть, не скрывайте.

– Я действительно не согласовываю с ним все решения. Но лишь потому, что каждый из нас делает свое дело. Лапик свое, я свое. Он в Нью-Йорке, я в Москве.

– Это-то и плохо. Напомню, на случай если вы этого не знаете, что приобретение «Комлина» – лишь своего рода компенсация убытков, которые в свое время понес господин Талаяти на инвестициях в российскую экономику. И господин Лапик приложил значительные усилия для того, чтобы мы эту компенсацию получили. Естественно, этого никогда бы не случилось, если бы господин Лапик не был тесно связан с семьей Петраковых.

– Я знаю это.

– Поверьте, господин Хайдаров, в ваших же интересах сделать все, чтобы ваши контакты с господином Лапиком расширились.

– Обещаю, господин Рустамбек, что сделаю все для этого.

– Вы должны стать настоящими союзниками. И вместе решать все важные вопросы. В частности, господин Талаяти и я хотели бы, чтобы вы не реже четырех раз в году лично встречались с господином Лапиком для обсуждения текущих проблем.

– Так и будет. – Загудел сотовый телефон. Хайдаров, достав аппарат, отключил сигнал. – Где должны будут проходить эти встречи? В Москве? В Нью-Йорке? Или, может быть, во Владивостоке?

– Господин Талаяти предложил, чтобы вы, во избежа-

ние всяких неожиданностей, перенесли штаб-квартиру нашей теперь уже де-факто объединенной фирмы в другое место. Так что с Лапиком вы будете встречаться уже не в России. Я знаю, вы много раз бывали в городе Атлантик-Сити. В США.

– Естественно. У банка «Витязь» в Атлантик-Сити своя недвижимость, нам принадлежат там три казино и три гостиницы. Насколько мне известно, примерно столько же гостиниц и казино принадлежит в этом городе концерну «Истерн интерконтинентал».

– Совершенно верно. Именно поэтому мы и решили, что Атлантик-Сити будет лучшим местом для штаб-квартиры. И для ваших постоянных встреч с Лапиком. Как вы считаете?

– Считаю, выбор правильный.

– Что важно, к этим встречам всегда сможем подключиться мы с господином Талаяти. – Рустамбек протянул пустой стакан. – Если можно, еще столько же. И хватит неприятных разговоров. Думаю, пора выслушать идею, о которой вы упоминали.

Сделав два коктейля, Хайдаров передал один стакан Рустамбеку. Некоторое время смаковал мартини. Наконец сказал:

– Знаете, господин Рустамбек, я всегда разрываюсь между двумя крайностями.

– Любопытно. – Гость взял губами соломинку. – Какими же?

– С одной стороны, я очень осторожный человек. С другой – игрок. Я чувствую момент, когда можно сорвать крупную ставку. Сейчас, как мне кажется, наступил как раз такой момент.

– Что, действительно крупную?

– Действительно. Можно положить в карман чистыми полмиллиарда долларов.

– Серьезная сумма. Каким образом?

– Сейчас расскажу. Правда, для того, чтобы мы получили эту сумму, нужны связи с арабскими странами. И в этом смысле я надеюсь на вас.

– Связи с арабскими странами?

– Совершенно верно. С богатыми арабскими странами, такими, как Египет или Саудовская Аравия. Которые будут готовы купить крупную партию вооружений. Я знаю, господин Рустамбек, у вас такие связи есть.

– Связи есть, но я хочу выслушать идею.

– Прошу прощения, господин Рустамбек, но мне нужно также еще одно: помощь господина Лапика. Поскольку господин Лапик с его связями поможет мне получить доступ к некоторым документам в Министерстве торговли России. Это возможно?

– Возможно. Но в чем идея?

– Идея следующая. Сейчас готовится к подписанию договор о продаже крупной партии российского вооружения Индии. Сумма сделки – два миллиарда долларов.

– Я слышал об этом. Дальше?

– Дальше – если допустить, что сделка сорвется, России не останется ничего другого, как продать эту партию вооружения другой стране. Поскольку арабы всегда проявляют интерес к российскому оружию, лучшим вариантом будет одна из богатых арабских стран. Даже если в России представить дело так, что арабы дают за весь пакет меньшую сумму, Россия вынуждена будет согласиться.

– Допустим, мы такую арабскую страну найдем. Дальше?

– Дальше – арабы, если мы с ними договоримся, будут готовы отдать за эту партию ту же сумму, два миллиарда долларов. А России мы отдадим полтора миллиарда. Так что пятьсот миллионов долларов останутся у нас.

– Идея в самом деле интересная. – Рустамбек помолчал. – Но где гарантия, что сделка между Индией и Россией будет расстроена?

– Гарантия – я. Я за это отвечаю.

– Уверены, что отвечаете?

– Господин Рустамбек, я ведь не просто изложил вам идею как таковую. Перед этим я провел большую работу. Собственно, у меня давно уже все подготовлено.

– Что, серьезно?

– Серьезно. Есть даже человек, который наложит вето на сделку.

– Даже так? – Рустамбек сделал большой глоток. – И что же это за человек?

– Амритсингх, руководитель отдела вооружений Министерства торговли Индии.

– Амритсингх?

– Да. Слышали когда-нибудь это имя?

– Нет. У меня практически не было дел в Индии. Но я наведу справки. Вы с ним знакомы?

– Скажем так: знаком заочно. Причем знаком заочно не только с ним, но и с его семьей. У него красивая жена. Две дочери. И сын Риши.

Рустамбек отставил стакан. Встав, подошел к окну, выходящему во двор банка. Сказал, не оборачиваясь:

– Чувствую, вы действительно провели большую работу.

– Действительно, господин Рустамбек.

– За чем же дело стало?

– Только за одним: чтобы вы сказали «да».

– Конечно, я говорю «да». Я даю вам полную свободу действий. И обещаю полную поддержку.

Глава 14

Проехав от Арбата, где она жила, к Остоженке, Полина остановила «тойоту» в одном из тихих переулков, у кафе «Пойма». Это кафе было ее любимым местом, здесь вкусно кормили, всегда было тихо, и, главное, она знала, что не встретит здесь никого из своих знакомых.

В кафе сидели всего две пары, и, к счастью, ее любимый столик в углу, с видом на Москву-реку, был свободен. Сев спиной к залу, так, чтобы ее никто не видел, она заказала подошедшей официантке кофе, яйцо всмятку и яблочный пай и стала смотреть на реку.

Она любила смотреть на Москву-реку. Она выросла далеко от Москвы, но Москва ей нравилась. И особенно ей нравилась Москва-река. Эта река, такая же небольшая, как ее родная Сухона, ничем особенным не поражала. Но ей нравилось в этой реке все – каменные набережные, возникающие то тут, то там белые храмы и луковки церквей, проплывающие мимо баржи и речные трамваи, качающиеся на мелкой волне утки, изредка пролетающие чайки.

Впервые за долгое время она провела эту ночь одна в собственной квартире и, проснувшись, решила одна позавтракать в кафе. Накануне Луи предупредил, что будет весь день занят, – что ж, она посвятит этот день себе. Посвятит, хоть и будет по нему скучать.

Покончив с яйцом всмятку и паем, налила в чашку кофе. И услышала шорох. Краем глаза заметила: к ней за стол без всякого разрешения садится какой-то парень.

Как вести себя с нахалами, она отлично знала. Повернула голову, чтобы осадить наглеца, и увидела: это Чика.

Меньше всего она ожидала увидеть здесь Чику.

Со времени, когда она, оказавшись в Москве, сразу же попала в его лапы, став путаной в «Балчуге», прошло уже несколько месяцев. Теперь она другая, многое поняла. Все то страшное, вся грязь и мерзость, связанные для нее с Чикой, постепенно забываются. Чика вычеркнут из ее жизни. И вот – он возник снова.

Чика, как всегда, одетый с парикмахерским лоском, надушенный своими любимыми «Труссарди», усевшись, улыбнулся ей своей отвратительной сутенерской улыбочкой, о которой она уже успела забыть.

Вдруг она почувствовала, что задыхается от ярости.

Понаблюдав за ней, Чика сказал вкрадчивым голосом:

– Привет, зайчик. Как жизнь?

Растерянность длилась лишь несколько секунд. Тут же она сказала себе: возьми себя в руки. Будь спокойна и холодна. С такими подлецами, как Чика, иначе нельзя.

Сделала каменное лицо, процедила:

– Чика, я что-то не вижу здесь зайчика. Кто зайчик? Уж не ты ли?

– О-о, радость моя... – Чика вынул и раскрыл портсигар,

взял сигарету. – Вот как ты заговорила. Стала важной дамой, да?

Отхлебнув кофе, сказала спокойно:

– Чика, ты кто мне? Опекун? Родной отец? Какое тебе дело, кем я стала?

– О'кей... – Щелкнув зажигалкой, Чика прикурил. Затянулся. – Ладно, цыпленок, точить с тобой ляды у меня нет времени. Ты ведь сейчас свободна, да?

– Свободна в каком смысле?

– В том... – Чика усмехнулся. – В том, что можешь спать, с кем хочешь?

На секунду закрыв глаза, она постаралась подавить приступ ярости. Посмотрела на него, холодно улыбнулась:

– Представь себе, Чика, свободна. Абсолютно.

– Понятно... – Взяв блюдце из-под ее чашки, Чика положил в него дымящуюся сигарету. – Но, по-моему, ты забыла, что за свободу надо платить. А?

– За мою свободу тебе уже заплатил Липницкий. Пятьдесят грандов. Достаточная цена. Или ты об этом забыл?

– Нет, не забыл. Но ты ведь уже не с Липницким. Не выдержав, посмотрела на него ненавидящим взглядом:

– Слушай, Чика, твое ли собачье дело, с кем я? Тебе заплатили – исчезни. Уйди в осадок, не возникай. Я буду с тем, с кем я хочу. Все.

Чика взял сигарету, затянулся. Откинулся на стуле.

– Никуда я не исчезну. Ты с другим. Так что готовь новые

пятьдесят грандов.

Ей наконец удалось снова взять себя в руки. Холодно улыбнувшись, спросила:

– А если я не приготовлю – что будет?

– Будет нехорошо, зайчик. На первый раз к тебе на улице подойдет дяденька. И плеснет в лицо соляной кислотой. Так плеснет, что от твоей мордахи останутся одни воспоминания. Это я тебе гарантирую на сто процентов.

Она слышала, в Москве именно так расправляются с непослушными путанами. Похолодев, подумала: а что, если именно так и будет? Все же, собрав остаток бушующей в ней ярости, твердо посмотрела ему в глаза:

– Да? А что, если я сейчас скажу об этом Луи? И он разберется с тобой?

– Во-первых, зайчик, со мной не очень разберешься. Я так легко не разбираюсь. А потом, хорошо, пусть он со мной разберется. Пусть он даже меня замочит. Это ничего не изменит. Запомни, если ты не отдашь пятьдесят грандов, дяденька с соляной кислотой все равно к тебе подойдет. И мордаху попортит.

Глядя в прищуренные глаза Чики, она выругала себя. Дура, ведь с самого начала повела себя с ним совсем не так. Она сделала ошибку, начав угрожать ему. Ее угрозы ничуть его не трогают. Угрозы вроде этих он слышит каждый день и давно уже не реагирует на них. Ясно, он с самого начала знал, что она вынуждена будет ему уступить. Что она в кон-

це концов поймет: от его бандитов, входящих в долгопрудненскую бригаду, ее не защитит никто, даже Луи. Не может же Луи посадить ее в какую-нибудь каменную башню или в подземный бункер и запретить выходить на улицу.

То же самое касается и выкупа. Хорошо, допустим, она расскажет об этом разговоре Луи. Он наверняка заплатит за нее. Но она ведь хорошо знает: даже получив новые пятьдесят тысяч долларов, Чика от нее не отстанет. Пройдет время, и он придумает еще какой-нибудь предлог. И снова потребует пятьдесят тысяч. И это будет длиться всю ее жизнь.

Вдруг она поняла: она знает, что она сделает. Знает точно.

Тут же принялась ругать себя за это решение. И тут же сказала сама себе: нет, все правильно. Это будет единственный, самый лучший выход из положения. И, что важно, самый справедливый.

Да, она решила это. Точно решила. Но вести себя с Чикой в таком случае надо совсем по-другому. Изобразив растерянность, выдавила:

– Знаешь, Чика... Мы об этом поговорим... О твоём предложении. Только не сейчас, хорошо?

– Что значит – не сейчас?

– Я должна подумать. Пятьдесят штук зелени – большие бабки.

– Зайчик, что тебе эти бабки? При твоих знакомствах ты и не такие деньги достанешь.

– Да, тебе хорошо говорить, достану... Все вокруг такие

жмоты...

– При чем тут жмоты? О чем ты вообще говоришь? Ты только скажи сейчас, что отдашь бабки. И скажи, когда. И с концами.

– Чика, я пока не могу сказать тебе, что отдам бабки. У меня не собирается даже половины таких бабок. Как я могу сказать?

Пригасив сигарету, Чика посмотрел в окно. Повернулся к ней:

– Слушай, не заливай. Неужели Луи не даст тебе пятьдесят косых?

– Может, и даст, а может, и нет. Давай поговорим попозже.

– Когда попозже?

– Не знаю даже. Через месяц.

– Ладно. Через месяц я тебя найду. Так что будь готова. Лады?

– Хорошо, Чика. Лады.

Чика ушел. Некоторое время она сидела, глядя в окно. Смотрела – но ничего там не видела. Наконец сказала сама себе: все, решено. Она сделает это.

Расплатившись с официанткой, вышла из кафе, села в «тойоту». Она точно знала, куда поедет. К Даниловскому рынку. Сейчас середина дня, Андрюша должен быть там.

Подъехав к Даниловскому, поставила «тойоту» вплотную к одному из киосков. Вышла, тщательно заперла все четыре двери, включила охранную сигнализацию. «Тойота» стояла

от киоска в двух шагах, но, когда оставляешь машину на Даниловском, лучше поостеречься.

Подойдя к киоску, облегченно вздохнула. Андрюша, бледный высокий мальчик с пушистыми ресницами, давно и безнадежно в нее влюбленный, стоял за прилавком. При виде ее сначала побледнел, потом покраснел:

– Ой, Поля... Ты?

– Я, Андрюш. У меня мало времени, сядем ко мне в машину, я не хочу ее одну оставлять.

– Конечно, конечно. Где твоя машина?

– Сразу за киоском. Я буду там ждать.

– Хорошо. Я секунду.

Открыв передние двери, села в машину. Почти тут же с другой стороны сел Андрюша. Покачал головой:

– Ой, Поля... Ну какая же ты красивая... Ты просто самая лучшая в мире красавица.

Улыбнулась, положила руку ему на плечо:

– Перестань. Ты тоже мальчик хоть куда.

Покосившись на ее руку, он сказал грустно:

– Хоть куда, да не для тебя.

– Ладно, ладно. – Убрала руку. – Мне сейчас вообще ни до чего. Тяжелые времена.

– Да? Я могу помочь?

– Можешь. Знаешь, последнее время, когда я стала ездить одна, я начала бояться.

– Бояться чего?

– Всего. В общем, я подумала, если бы у меня в багажнике, когда я буду ездить одна, был бы пистолет, – я меньше бы боялась.

– Тебе нужен пистолет?

– Да. Просто для спокойствия. Сможешь достать?

Андрюша кивнул:

– В общем, да. Конечно. Когда тебе нужно?

– Чем скорей, тем лучше.

– Но конкретно?

– Если бы ты смог прямо сейчас...

– Прямо сейчас... – Андрюша задумался. – Нет, прямо сейчас нет. Если через час – устроит?

– Конечно. Сколько он будет стоять?

– Ой, Поль... – Андрюша шутливо дотронулся щекой до ее плеча. – Неужели ты думаешь, я возьму у тебя деньги?

– Андрюша, подожди... Если ты не возьмешь деньги – я попрошу кого-нибудь другого.

– Но, Поля...

– Андрюша, никаких. Сколько будет стоять пистолет?

– О господи... Не знаю даже. Смотря какой.

– А какой ты мне посоветуешь?

– Тебе? – Андрюша критически осмотрел ее. – Тебе для обороны?

– Для обороны.

– Тогда лучше всего «байярд». Бельгийский пистолет. Он небольшой, компактный. С близкого расстояния бьет без

промаха.

– Хорошо, достань мне «байярд». Сколько он будет стоить?

– Ну... – Андрюша помолчал. – Если дешево – тысячу баксов.

– А если не дешево?

– Если нормально – полторы.

Открыв сумку, тут же остановила взглядом его протестующий жест:

– Андрюша, перестань... Вот тебе полторы штуки. – Отсчитала деньги, вложила их ему в руку. – В следующий раз на эти полторы штуки купишь мне цветы. А сейчас, уж извини, «байярд». Через час, ты говоришь?

– Да, через час.

Андрюша исчез. Вернулся он меньше чем через час. Сев рядом, оглянулся и, убедившись, что людей возле машины нет, вытащил из-за пазухи сверток. Положил на сиденье, развернул.

На расстеленном лоскуте черного бархата лежал маленький аккуратный пистолет и две обоймы. Андрюша кивнул:

– «Байярд». И две обоймы к нему. Стрелять-то умеешь?

– Умею, – соврала она. – Спасибо, Андрюш.

– Да не за что. Для тебя, ты ж знаешь, я все сделаю. Баксы только зря мне дала.

Потянулась к нему и почувствовала, как он тяжело задышал, поцеловала его в щеку:

– Ладно, Андрюш, все. Давай. Чао.

– Чао... – Вышел из машины, пригнулся: – Не пропадай.

– Постараюсь. – Уже не глядя в его сторону, повернула ключ зажигания – и дала газу.

Глава 15

Сойдя с самолета, получив багаж и пройдя контроль, Седов двинулся вместе со всеми по узкому проходу. В конце прохода стояла кучка встречающих. Оглядев людей, большинство которых держали в руках таблички с именами, Седов понял: ни один из них не может быть Джеймсом Стюартом.

Остановился, огляделся. В суматохе, царившей в зале прибытия аэропорта Кеннеди, сориентироваться было нелегко, но все же он в конце концов обратил внимание на человека в светлой куртке и черных брюках, стоявшего в одиночестве у стеклянной стены. У человека был хрящеватый нос, тонкие губы, тяжелый подбородок. Заметив, что Седов оглядывается вокруг, человек подошел к нему. Его внешность ничем не напоминала Аллу, но, если всмотреться, можно было увидеть: у этого человека такие же синие, широко расставленные глаза, как у нее.

Человек спросил:

- Простите, вы мистер Юрий Седов?
- Я Юрий Седов. Вы – мистер Джеймс Стюарт?
- Да, я Джеймс Стюарт.

Они пожали друг другу руки. Не глядя на Седова, Стюарт буркнул:

- Приятно познакомиться.

– Мне тоже.

– Мы с женой очень благодарны вам, что вы прилетели.

– Я не мог не прилететь, мистер Стюарт.

– Спасибо. Вообще можете называть меня просто Джеймс. – Стюарт мельком осмотрел его закинутую за плечо сумку. – Сядем в машину. Она близко.

Они подошли к стоящему на платной стоянке за терминалом «кадиллаку». Сев за руль, Стюарт осторожно вывел машину со стоянки, провел мимо терминалов аэропорта и выехал на шоссе. В Москве уже давно наступила глубокая осень, но здесь, судя по ярко-зеленым листьям на деревьях и врывававшемуся в окно теплему воздуху, все еще продолжалось лето.

Уже за Гудзоном, съехав на обочину и остановив машину, Стюарт сказал:

– Это случилось тут.

Проследив за его взглядом, Седов увидел виадук хайвея с несущимся по нему потоком машин. Чуть ниже, под виадук-ком, располагались две развилки, по которым машины съезжали к дорогам местного значения. Сейчас, в первой половине дня, движение на этих развилках было редким.

– Видите развилки? – спросил Стюарт.

– Вижу.

– Алла свернула на правую, соблюдая все правила. Движение на этих развилках двустороннее, навстречу шел трейлер, перевозящий легковые машины. Очень громоздкое со-

оружие, у нас их называют машинами-убийцами.

Стюарт замолчал. Было заметно, как на его скулах ходят желваки. В конце концов Седов был вынужден спросить:

– Как все произошло?

– Водитель не справился с управлением, выехал на встречную полосу. Удар пришелся в лоб. Ну и... БМВ Аллы превратился в гармошку. Пылающую гармошку.

Дав газу, Стюарт свернул на местную дорогу – и минут через двадцать остановил машину у двухэтажного дома.

Дом, сложенный из потемневшего от времени кирпича, был расположен в густых лесных зарослях. Выключив мотор, Стюарт вышел. Пригнулся к окну, сказал:

– Все, Юрий, выходите. Это наш дом.

Выйдя, Седов заметил:

– Красивая местность.

– Местность неплохая. – Отец Аллы оглянулся. – Идемте.

Вон жена уже вышла на крыльцо.

Взяв сумку, Седов двинулся за ним.

Когда он подошел к крыльцу, женщина, стоявшая у двери, улыбнулась. Подумав, что Алла была очень похожа на нее, Седов улыбнулся в ответ. Однако, стоило Стюарту подойти и встать рядом с ним, как вдруг женщина, рухнув на стоящее на крыльце плетеное кресло, разрыдалась.

Стюарт подошел к жене, молча обнял ее одной рукой. Почти тут же из двери выскользнула девочка лет двенадцати. Она была совсем не такой, как Алла, но было ясно: это ее

сестра.

Присев на корточки, девочка сказала по-русски:

– Мама, пожалуйста, не надо... Мама, ну пожалуйста, ну я очень тебя прошу... Ну пожалуйста, мама... Ну не надо...

Встав, женщина взглянула на Седова и выдавила сквозь слезы:

– Простите... Ради бога, простите меня... Просто это выше сил...

Тут же ушла в дом вместе с девочкой. Стюарт вздохнул:

– Извините. Но вы должны понять.

– Я понимаю.

– Пройдемте в дом?

– Да, конечно. Стюарт показал его комнату на втором этаже.

Здесь у окна стояли два мягких кожаных кресла, стены были заняты книжными полками. Всюду – на столе, на полках, на стене – можно было увидеть Аллины фотографии. Алла играет в теннис, Алла с родителями и сестрой, Алла в купальном костюме на пляже. Войдя вместе с Седовым в комнату, Стюарт посмотрел на фотографии:

– Вам не мешает?

– Нет, нисколько.

– Сейчас эта комната – мой кабинет. Прошу, садитесь.

После того как они уселись в кресла, Стюарт сказал:

– Юрий, очень серьезный вопрос.

– Да, я слушаю, мистер Стюарт.

– Джеймс.

– Простите, забыл. Да, я слушаю, Джеймс.

– Вы предполагали, что на счете Аллы может быть какая-то сумма, записанная на ваше имя?

– Предполагал.

– И имели какое-то представление о цифре?

– Имел.

– Можете ее назвать?

– Я могу ошибаться... Джеймс. Но думаю, эта сумма составляет один миллион сорок тысяч долларов.

– Все правильно. На счете Аллы, помимо ее собственных денег, лежит один миллион сорок тысяч долларов, записанных на ваше имя. И сейчас я хотел бы, чтобы мы оформили перевод этих денег на вас. Официально.

– Есть один маленький нюанс, мистер Стюарт. Я, лично я, считаю, что это не мои деньги. А деньги Аллы.

Стюарт потер лоб, будто пытаясь решить абсолютно неразрешимую для него задачу.

– Послушайте, Юрий... Если Алла выделила эту сумму в своем счете на ваше имя, значит, на то была ее воля. И мы, ее родители, должны эту ее волю выполнить. Миллион долларов – немалые деньги, но гораздо больше для нас значит память о дочери. Я просто прошу вас взять эти деньги. Прошу как отец Аллы.

– Джеймс, надеюсь, вы знаете, что с Аллой я познакомил-

ся на яхте, названной в ее честь – «Алка»? Причем познакомился в тот период ее жизни, когда она была подругой, практически женой шкипера яхты?

– Я все знаю, Юрий. Все. Алла рассказала мне обо всем. Рассказала, что миллион сорок тысяч долларов принадлежали этому шкиперу и что шкипер, умирая, сказал, что эти деньги после его смерти должны принадлежать Алле. Но мы в тупике. – Пройдясь по кабинету, Стюарт остановился у окна. Повернулся к полке, чуть выдвинул из ряда одну из книг. Вернул томик на место и продолжил: – Есть причина, по которой мы должны настаивать, чтобы вы взяли эти деньги. Не знаю, насколько хорошо вы знаете наши американские реалии. Если не знаете, постараюсь объяснить. Как член конгресса США, я должен очень аккуратно вести свои финансовые дела. В частности, я обязан, если меня об этом попросят, в любой момент отчитаться во всякой полученной мной сумме. И если выяснится, что на моем счете или на счете кого-то из членов моей семьи лежит миллион долларов, поступивший из России, деньги, происхождение которых я не могу объяснить, – я попаду в крайне неприятную для меня ситуацию. Крайне неприятную. Тем более что сейчас... – Стюарт помолчал. – Сейчас я выдвинул свою кандидатуру в Сенат. Выборы пройдут осенью.

– Джеймс, честное слово, я просто не знаю, что вам сказать.

– Хорошо. Если ваши принципы не позволяют вам оста-

вить эти деньги себе, может быть, стоит просто передать их какой-то благотворительной организации?

Благотворительная организация, подумал Седов. Он хорошо знал, что могут означать эти слова – и здесь, в США, и в России. Встретив взгляд Стюарта, сказал:

– Ничего ведь не случится, если я сообщу вам свое решение завтра?

– Полагаю, нет.

– Я подумаю до завтра. И скажу.

– Спасибо. – Стюарт пожал ему руку. – Я еще не знаю, что вы решите. Но пока, во всяком случае до утра, вы сняли с меня груз.

Утром в комнату, предварительно постучав, вошел Джеймс. Он был в сером деловом костюме и строгом темном галстуке. Войдя, сдержанно поклонился:

– Доброе утро, Юрий. Давно встали?

– Давно. Я ведь еще не привык к вашему времени.

– Как провели ночь?

– Прекрасно. Садитесь, Джеймс.

– Спасибо. – Усевшись в кресло, Стюарт некоторое время смотрел на него в упор. – Ну как? Что-нибудь решили?

– Да, решил. Я готов заняться официально переводом денег, о которых мы вчера говорили, на мой личный счет.

Облегченно вздохнув, Стюарт улыбнулся.

– Я очень рад, Юрий, что вы пришли к этому решению. –

Помолчал. – Как я понял, у вас не очень много времени, я имею в виду вашу поездку из России в Штаты?

– Вы правы, не очень.

– Сколько? День-два у вас есть?

– Примерно. Но желательно, чтобы дольше я здесь не задерживался.

– Каким рейсом вы предпочитаете вылететь в Москву? Утренним, вечерним?

– Утренним.

– Отлично. Сейчас позавтракаем и поедem в Нью-Йорк. Может быть, нам даже удастся оформить все за сегодняшний день. У меня очень хороший адвокат, я предупредил его, чтобы он был наготове. Если нам повезет и на него не свалилось за эти часы какое-нибудь неожиданное дело, он все провернет сегодня. И вы сможете вылететь завтра утром.

– Было бы хорошо.

– С вашего позволения, сейчас я ему позвоню. – Взял трубку и набрал номер. – Стелла, доброе утро, это Стюарт. Босс у себя? Да, пожалуйста. Ларри, привет. Вас ничего не сбilo с колеи, на которую я вас вчера поставил? Пока ничего? Очень рад. Тогда ждите, сейчас я подъеду к вам с моим партнером, которого зовут мистер Юрий Седов. Надеюсь, вы поможете нам решить это дело. Что? А что нужно? Ага... Думаю, что да, но на всякий случай сейчас спрошу. Подождите минутку. – Посмотрел на Седова: – Мой адвокат спрашивает, есть ли у вас необходимые документы?

– Какие именно?

– Паспорт, свидетельство о браке, документы, подтверждающие наличие детей?

– Я холост, детей у меня нет. Паспорт, естественно, есть.

– Счет в банке?

– В американском банке счета у меня нет, но я хотел бы его открыть. Это можно?

– Вам все равно, в каком банке?

– Все равно.

– Думаю, что, безусловно, можно. Мы откроем вам счет в «Чейз Манхэттен». Для того чтобы иностранец мог открыть счет в американском банке, нужно ручательство, но Ларри, без сомнения, это ручательство вам даст. – Сказал в трубку: – Ларри, все в порядке. Да, мой партнер хотел бы открыть счет в «Чейз Манхэттен». Дашь ему ручательство? О'кей. Все, мы едем.

По пути в Нью-Йорк Седов, улучив момент, сказал:

– Джеймс, я собираюсь открыть в Москве свой небольшой бизнес.

– Очень хорошо. Какого рода бизнес?

– Частное охранное агентство. У меня есть юридическое образование, и вообще мне интересно это дело.

– Я тоже считаю это дело интересным.

– Но есть один нюанс. Я хочу открыть этот бизнес под псевдонимом.

– Под псевдонимом?

– Да.

– И какой же псевдоним вы выбрали?

– Алексей Федоров.

– Алексей Федоров. По-моему, звучит, а?

– Звучит не звучит, но так будет лучше. И с точки зрения бизнеса, и с точки зрения безопасности.

– Возможно. Я знаю, в Москве у вас сложная обстановка.

– Очень сложная. Я слышал, вы попросили своего адвоката помочь мне открыть счет в банке.

– Попросил, и он это сделает.

– Так вот, когда он будет это делать, вам не трудно будет объяснить ему эту ситуацию? С моим настоящим именем и с псевдонимом для бизнеса?

– Разумеется, не трудно. Когда мы встретимся, я ему это объясню.

Адвокат Стюарта, Ларри Голдсмит, то и дело улыбающийся неестественной улыбкой толстяк в пенсне с большой диоптрией, в самом деле оформил открытие счета на имя Юрия Седова, гражданина России, необычайно быстро. В два часа дня, за час до закрытия банка, Седов уже держал в руках пластиковую карточку «Чейз Манхэттен банк» с отметкой «платиновая». Эта отметка, как объяснил ему оформлявший открытие счета служащий, предоставляется лишь особо уважаемым клиентам с безупречной репутацией и дает им целый ряд преимуществ при финансовых расчетах со всеми банками мира.

Посмотрев на банковскую карточку Седова, Стюарт сказал:

– Ларри, если Юрий иногда будет обращаться к твоим услугам, ты не против?

– Ничуть не против.

– Так вот учти, в Москве Юрий хочет открыть новый бизнес, частное охранное агентство. И открыть его он хочет не под своими реальными именем и фамилией, а под псевдонимом. Напомните, Юрий, как звучит этот псевдоним?

– Алексей Федоров.

– Да, Алексей Федоров. Так вот, Ларри, запиши себе это имя и эту фамилию.

– Сейчас. – Голдсмит достал записную книжку. – Юрий, продиктуйте, пожалуйста, по буквам. – Записав имя и фамилию в книжку, закрыл ее. – Все в порядке.

– Ларри, – сказал Седов, – я просто хотел бы, чтобы вы знали, что Алексей Федоров – это тоже я. И что эти имя и фамилия будут тесно связаны с моим охранным агентством.

Голдсмит похлопал его по плечу:

– Юрий, не волнуйтесь, я все понял. Вы Юрий Седов, но в то же время – Алексей Федоров.

Они стояли на некоем подобии каменной балюстрады, внизу же, за решетчатой оградой, сразу от узкой набережной тянулись плотики пирсов, у которых были пришвартованы яхты. Яхт было много, не меньше чем под сотню. Седов на-

чал считать и сбился. Кроме яхт, здесь стояло несколько катеров.

– Это место называется Вест-Сайд-Марин, – сказал Стюарт. – Обычная стоянка яхт, если не считать, что она расположена в самом центре Нью-Йорка, в Верхнем Вест-Сайде. Я не говорил вам, что в молодости яхты были моим любимым хобби?

– Нет.

– Это так. Конечно, потом, особенно после женитьбы, стало уже не до яхт. Идемте, я кое-что вам покажу.

Спустившись вниз вместе с Голдсмитом, они прошли на территорию стоянки. Стюарт махнул рукой человеку в капитанской фуражке, сидевшему за столом в небольшом застекленном строении сразу у входа, и посмотрел на Голдсмита:

– Ларри, это капитан-диспетчер, переговорите пока с ним. Мы с Юрием будем у яхты.

– Хорошо, Джеймс.

Не дожидаясь, пока Голдсмит пройдет в диспетчерскую, Стюарт кивнул:

– Юра, нам сюда. Я пойду впереди, идите за мной.

Двинувшись вслед за Джеймсом по узким, в расчете на одного человека, мосткам, Седов вскоре вместе с ним остановился.

Они стояли возле большой белой яхты, надпись на корме которой удостоверяла, что судно называется «Бриз» и приписано к Нью-Йорку. Стюарт спросил:

– Узнаете?

Вглядевшись, Седов понял: это «Алка». Дело даже не в том, что это был «Пассаж-450» фирмы «Хантер», обводы которого ни на миллиметр не отличались от обводов «Алки». Он ведь ремонтировал «Алку» вместе с Довганем и Аллой и знал здесь каждую царапину, особенно на корме. Одного брошенного на корму взгляда было достаточно, чтобы понять: это та самая яхта.

– Да, Джеймс. Как я понял, это «Алка»?

– «Алка». Ставшая теперь «Бризом».

– Вы решили изменить название?

– Да, взял на себя такой грех. Перейдем на яхту, я объясню вам почему.

Перейдя на яхту и сев вместе с Седовым у штурвала, Стюарт сказал:

– Поговорим, как мужчина с женщиной, хорошо?

– Давайте.

– Название я переименовал, еще когда была жива Элен. То есть Алла. С ее согласия. Знаете почему?

– Нет.

– Потому что узнал: яхта с названием «Алка» внесена в черный список. Ее до сих пор разыскивают, скажем так, органы правопорядка. Какие – не важно. – Стюарт посмотрел на него в упор. – Вы знаете что-нибудь об этом? – Помедлив секунду, добавил: – Впрочем, если не хотите – можете не отвечать.

– Да нет, Джеймс, у меня нет никаких причин не отвечать вам. – Седов сказал это не моргнув глазом. Он в самом деле понятия не имел, что яхта в розыске. – Клянусь, о том, что «Алку» кто-то разыскивает, я впервые слышу. А в чем причина?

– Причина в том, что, по данным опять же этих органов правопорядка, с хозяином яхты, Довганем, были связаны какие-то темные дела. Какие точно, я не знаю. Элен рассказала мне, что Довгань погиб и вы вместе с ней похоронили его в море. Это так?

– Да, это так.

– Понятно. Но органы правопорядка в это не верят. Впрочем, плевать на органы правопорядка, дело не в них. Дело в том, что Элен, узнав об этой ситуации, заявила мне категорически, что эту яхту никому не отдаст. А поскольку я понимал, что яхту с названием «Алка» у нее очень легко могут отобрать, я уговорил ее изменить название на «Бриз» – прозвище, которым я называл ее в детстве. Буквы, которые вы видите на корме и на борту, я вывел сам, лично. Ну а потом... Потом Элен не стало. Так что яхта... В общем, яхта сейчас не принадлежит никому.

– Она принадлежит вам.

– Нет, Юрий. Ни мне, равно как никому из моей семьи, эта яхта принадлежать не может ни в коем случае. У Элен с этой яхтой было, как я понимаю, многое связано. Но меня, как и Клавдию, и Дженни, эта яхта может только скомпро-

метировать. Вы согласны?

– В общем, да, – вынужден был признать Седов.

– Хорошо, что вы это понимаете. Конечно, я мог бы просто избавиться от этой яхты, скажем, элементарно утопив ее. Но, во-первых, жалко, как-никак это все же очень хорошая яхта. Ну а главное... Главное, если бы я, скажем, потопил эту яхту, я бы неизбежно почувствовал себя предателем. По отношению к Элен. Понимаете?

– Понимаю.

– Поэтому я и привел вас сюда. Вы должны записать эту яхту на свое имя и стать ее полновластным владельцем.

– Джеймс, даже не знаю.

– Вас что-то останавливает?

– Да нет, Джеймс. Пожалуй, меня ничто не останавливает.

Я готов принять ваше предложение.

– Спасибо. – Улыбнувшись, Стюарт крепко пожал ему руку. – Вон идет Ларри, я думаю, он уже обо всем договорился. Сойдем на пирс.

На пирсе Голдсмит сказал:

– Все в порядке, Джеймс. В диспетчерской есть копия накладных на яхту, в которой указаны имена двух получателей: твоей Элен и мистера Юрия Седова. Для того чтобы оформить право на владение, нужно сначала составить, а потом заверить акт, удостоверяющий, что владельцем яхты становится мистер Юрий Седов. При составлении акта должны присутствовать два посторонних свидетеля. Они уже есть,

это капитан-диспетчер и вахтенный матрос. Свои подписи на акте они готовы поставить прямо сейчас. Остальное я оформлю у себя в конторе. Идем?

— Да, конечно.

После того как в диспетчерской свидетели поставили подписи на бланке акта о введении во владение имуществом, Голдсмит спрятал бланки в кейс. Заговорщически подмигнул:

— Все. Едем ко мне. Выпишу мистеру Седову диплом владельца — и он станет полновластным хозяином «Бриза».

До адвокатской конторы Голдсмита в центре Манхэттена они ехали минут десять. Еще примерно полчаса, пока клерки оформляли диплом, ждали в приемной. Затем, когда Седов спрятал диплом в карман куртки, Стюарт пригласил его и Голдсмита отметить событие обедом в ресторане отеля «Мэрриот» на Таймс-сквер.

Во время обеда они со Стюартом решили, что «Бриз» останется там же, где и стоит сейчас, в Вест-Сайд-Марин. Седов сможет забрать яхту в любое время, пока же Стюарт договорится с вахтенными матросами, чтобы они присматривали за судном.

После обеда, оформив здесь же, в местной авиакассе, обратный билет на утренний рейс в Москву, Седов почувствовал: ему смертельно хочется спать. Шел седьмой час вечера. Это означало, что в Москве второй час ночи. Голдсмит давно ушел, и Стюарт, посадив его в «кадиллак», посоветовал

поспать в машине, пока они будут ехать. Он так и сделал.

В Дюмоне, перед тем как пойти спать уже окончательно, он заранее попрощался с Клавдией Васильевной и Дженни: они с Джеймсом договорились, что выедут в пять утра, чтобы успеть к отправлению самолета «Американ эйрлайнз», вылетающего в восемь часов.

В начале девятого утра Седов уже сидел в кресле «боинга», рассматривая в иллюминатор просвечивающие сквозь облака воды Атлантики.

Глава 16

Машины последних моделей, особенно с хорошо одетым водителем за рулем, здесь, в одном из самых грязных районов старого Дели, обычно не останавливались. Поэтому совершавший обход района молодой полицейский, заметив стоящую у обочины новую «тойоту-камри» темно-зеленого цвета, поразмыслив, двинулся к ней. На полицейском был красный тюрбан, он был бородат, сзади болталась косичка, это означало, что он сикх.

Подойдя к машине, полицейский пригнулся к открытому окошку. Сказал на плохом английском:

– Простите, мистер, у вас какие-то затруднения?

На вид сидящему за рулем было лет около сорока. Это был довольно привлекательный мужчина с маленьким прямым носом, широкими, вразлет, надбровными дугами и волевым подбородком с ямочкой. Может быть, не каждому понравился бы взгляд его серо-стальных глаз, который он постоянно прятал. Но это мог заметить только очень внимательный человек.

Полицейский бросил на водителя беглый взгляд. Судя по светлому оттенку кожи и черному тюрбану, этот человек приехал в столицу откуда-то с севера Индии. Без сомнения, он был богат, во всяком случае, видно было, что недостатка в средствах он не испытывает: на нем был прекрасно сшитый

серый костюм, в тон подобранный галстук, на безымянном пальце красовался перстень с крупным бриллиантом.

Подумав, что человек не говорит по-английски, полицейский повторил тот же вопрос на хинди. Рассмеявшись, водитель ответил на языке сикхов:

– Земляк, единственное мое затруднение – я страшно хочу курить.

Потрясенный тем, что этот светлокожий богач говорит на языке сикхов, полицейский уставился на него:

– Хотите курить?

– Да, земляк. Я в этом городе впервые, и надо же – кончились сигареты. – Достав бумажник, вытащил из толстой пачки банкнот двадцатидолларовую бумажку. Протянул полицейскому: – Не в службу, а в дружбу – купи мне пачку «Мальборо».

Взяв двадцатку, сикх изучающе уставился на богача:

– Пачку или блок?

– Пачку. Остальное возьми себе – за труды.

Сикх осторожно спрятал купюру в карман форменной рубашки цвета хаки. Щедрость водителя была невероятной, бумажка составляла половину его месячного оклада.

– Спасибо, господин. Табачная лавка здесь не так далеко, я постараюсь побыстрей.

Полицейский ушел. Посмотрев ему вслед, человек заметил стоящего в стороне мальчишку. Подросток, смуглый, боконогий и голый по пояс, поймав брошенный на него взгляд,

подошел к машине. Начал тщательно вытирать мягкой бархоткой стекла. То, что он при этом говорил, было слышно лишь человеку, сидящему в машине. Но даже если бы мальчик кричал, их разговор все равно бы никто не понял – подросток говорил на диговинном языке, совершенно чуждом любому делийцу:

– Господин... Сахим просил передать, что нужная вам вещь лежит в здании, о котором вы знаете, на третьем этаже в конце коридора, за дверью, ведущей в вентиляционную шахту... За этой дверью уборщики складывают ведра, щетки, швабры и все остальное... Когда вы окажетесь в этом здании, вещь будет лежать в ведре, прикрытая тряпками... На ведре будет надпись на хинди: «3-й этаж»... Еще Сахим просил передать, чтобы вы были осторожны, эта дверь открывается только со стороны коридора... Если вы войдете в шахту и дверь захлопнется, вам, чтобы снова попасть в этот коридор, придется спуститься вниз по лестнице черного хода и выйти на улицу... Сахим сказал, когда эта вещь вам уже не будет нужна, вы можете снова положить ее на то же место... Он ее возьмет...

– Хорошо... – Человек протянул мальчишке доллар. – Можешь идти.

Спрятав доллар в карман брюк и опасливо оглянувшись, парень исчез. Человек включил мотор. Медленно отъехал от обочины улочки.

Машину он остановил перед большим современным зда-

нием в самом центре Нового города. Взяв лежащий рядом на сиденье дипломат, вышел из машины и уверенно направился к входу в здание.

Это был офис Департамента по торговле вооружением Министерства торговли Индии. Здание тщательно охранялось, перед входом и в вестибюле были установлены скрытые видеокамеры, здесь же стояла проходная рама, фиксирующая наличие оружия и взрывчатки. У рамы, помимо одетых в штатское работников секьюрити, дежурили еще и спецназовцы с автоматами.

Войдя в вестибюль, человек снял трубку расположенного на стене телефона. Набрав номер и услышав ответ, произнесенный бархатным женским голосом, сказал:

– Добрый день. Моя фамилия Бхопай. Сатхар Бхопай, президент компании «Симла армс продакшн». Если помните, я звонил вам вчера.

– Я помню, господин Бхопай.

– Вы обещали доложить обо мне господину Амритсингху. И, если он согласен меня принять, заказать пропуск. Напомните господину Амритсингху, что я приехал издалека, и мое дело, вне всякого сомнения, его заинтересует.

– Хорошо, господин Бхопай. Сейчас я доложу о вас. Откуда вы звоните?

– Я внизу, у проходной в министерство.

– Подождите у телефона.

Держа трубку у уха, Бхопай мельком осмотрел вестибюль.

Сотрудники секьюрити в штатском и бойцы спецназа не обращали на него никакого внимания. Для них он был обычным посетителем, таким же, как тысячи других.

Наконец он услышал голос секретарши:

– Господин Бхопай, господин Амритсингх ждет вас. Проходите.

– Спасибо, иду.

Повесил трубку и подошел к контрольному пункту. Встретив взгляд работника секьюрити, сказал:

– Я иду на прием к господину Амритсингху. Мне назначено.

– Вы внесены в список?

– Да. Меня зовут Сатхар Бхопай, компания «Симла армс продакшн». – Секунду... – Просмотрев список, охранник кивнул: – Все в порядке, вы в списке. Попрошу документы.

Бхопай протянул удостоверение личности. Охранник внимательно изучил его, затем спросил:

– Есть ли у вас с собой оружие, взрывчатка, яды?

– Нет.

– Что у вас в кейсе?

Бхопай открыл кейс. Взяв лежащую там папку, охранник перелистал ее. Положил обратно.

– Все в порядке. Будьте добры, выньте из карманов металлические вещи и пройдите через раму.

Это было сверхсовременное сенсорное устройство, реагирующее не только на металлы и взрывчатку, но и на некото-

рые сильные яды. Сняв часы и вынув из карманов мелочь и ключи от машины, Бхопай прошел через раму. Устройство не издало ни звука.

Охранник вернул удостоверение:

– Прощу, господин Бхопай. Ваш этаж четырнадцатый.

– Спасибо.

Войдя в лифт, в котором уже находилось несколько человек, Бхопай тем не менее нажал кнопку не четырнадцатого, а третьего этажа. Выйдя, уверенно прошел в конец коридора. Остановился у двери, на которой было написано «Только для персонала», оглянулся. Убедившись, что коридор пуст, открыл дверь, вошел в небольшую клетушку. Ловко придерживая дверь, чтобы она не захлопнулась до конца, застыл. Клетушку освещал неясный свет, проходивший сквозь решетку, за которой виднелась вентиляционная шахта. Поискав глазами, довольно скоро увидел стоящее на полу и прикрытое веревочной шваброй ведро с надписью «3-й этаж». Сунул руку в ведро, достал из-под швабры пистолет с глушителем. Внимательно осмотрел оружие, спрятал его под пиджак, за пояс брюк. Выйдя из клетушки, осторожно прикрыл за собой дверь и двинулся к лифтам. И коридор, и холл, куда выходили двери лифтов, были пусты. Вызвав лифт и дождавшись, пока откроются двери, вошел – и нажал кнопку четырнадцатого этажа.

Глава 17

Начальник отдела по торговле вооружением Амритсингх любовно погладил толстую, аккуратно сброшюрованную папку. Подумал: сработано на совесть. Он был всего лишь начальником отдела и не входил в число первых лиц Министерства торговли Индии – те могли являться на службу, когда им заблагорассудится. Но сегодня он вполне мог прийти в министерство и в двенадцать. В Москве, откуда он с помощниками вернулся лишь три дня назад, он проделал огромную работу. Сейчас эта работа – экспертное заключение по крупнейшей в истории торговых отношений России и Индии сделке по продаже вооружений – завершена. В результате этой сделки Россия получит два миллиарда долларов, а Индия, со всех сторон осаждаемая врагами, – столь нужное ей новейшее вооружение. Амритсингха грела мысль, что это вооружение, все, от современного стрелкового оружия до танков и самолетов, принесет в многострадальные пограничные штаты его страны спокойствие. Оно, без всякого сомнения, заставит врагов страны и смутьянов в пограничных штатах призадуматься. И он, Джалал Амритсингх, внес в работу над заключением этого соглашения свой вклад, и немалый.

Услышав сигнал зуммера, нажал кнопку:

– Да? Из селектора донесся голос секретарши:

– Господин Амритсингх, к вам господин Бхопаи. Президент компании «Симла армс продакшн».

«Бхопаи... Бхопаи...» – Амритсингх попытался вспомнить, кто это, и не смог. Это имя ничего ему не говорило.

– Он уже здесь?

– Да, господин Амритсингх.

Лишь отодвинув папку в сторону, Амритсингх припомнил, что вчера разговаривал по телефону с человеком, назвавшимся президентом компании «Симла армс продакшн» господином Бхопаи. О компании с таким именем Амритсингх слышал впервые, но разговор его заинтересовал. По словам Бхопаи, его компания занималась в основном поставками вооружений из образовавшихся после распада Советского Союза среднеазиатских государств. А это, Амритсингх знал, было сейчас одним из самых перспективных направлений в сфере торговли вооружениями.

– Хорошо. Пропустите.

Дверь кабинета открылась. Войдя, Бхопаи остановился у двери. Амритсингх, тут же оценив солидный вид гостя, сделал жест рукой:

– Прошу, господин Бхопаи. Садитесь. Гость, улыбаясь, подошел к столу. С достоинством сел в кресло, церемонно кивнул.

Прекрасно сшитый костюм, безукоризненно подобранный галстук, бриллиантовый перстень на безымянном пальце правой руки. Судя по всему, дела в компании «Симла

армс продакшн» идут неплохо.

– Слушаю вас, господин Бхопай.

– Вы ведь являетесь руководителем экспертной группы? Мелькнуло: странный вопрос. Очень странный.

– Какую именно экспертную группу вы имеете в виду?

– Экспертную группу по сделке о продаже российского вооружения Индии. Договор вот-вот должен быть подписан.

О том, что именно он, Амритсингх, является руководителем экспертной группы, могло знать лишь считанное количество людей. По правилам, введенным в Департаменте по продаже вооружений, Амритсингх должен был немедленно сообщить о подозрительном госте в службу безопасности.

Подумал: нет, все же не стоит обострять отношения. Внимательно посмотрел на посетителя. Тот продолжал улыбаться. Улыбнувшись в ответ, сказал как можно мягче:

– Господин Бхопай, вы ставите меня в весьма двусмысленное положение. Как человек, связанный примерно с той же сферой, что и я, вы должны понимать: существует ряд вопросов, на которые я как должностное лицо не имею права давать ответы.

– Но вам придется давать на них ответы. Эта фраза в лучшем случае могла означать неудачную шутку, в худшем – беспримерную наглость.

Нерешительность исчезла. Амритсингх уже приготовился снять трубку, чтобы позвонить в секьюрити, как вдруг увидел направленный на него ствол пистолета с глушителем.

Движение, каким гость вытащил оружие из-под полы пиджака, было неуловимым и мгновенным.

Начальник отдела попытался справиться с сухостью во рту. Спросил, облизав губы:

– Что это значит, господин Бхопаи?

– Это значит, что вам придется давать ответы.

Ствол пистолета не дрожал, рука у посетителя была твердой. Никакого колебания не было и в холодных, смотрящих на него в упор глазах.

Амритсингх не был трусом и не боялся смерти. Но первое, о чем он подумал: он не один. У него семья, жена и четверо детей, три дочери и самый младший, Риши. Единственный сын, его надежда и гордость. Если этот сумасшедший сейчас выстрелит, что будет с ними?

Пытаясь выиграть время, переспросил:

– Чего вы от меня хотите?

– Только одного: ответов. – Гость положил пистолет на колени. – Вы готовы отвечать?

Амритсингх попытался взять себя в руки:

– Да. Задавайте вопросы.

– Где экспертное заключение?

Амритсингх покосился в сторону папки и тут же выругал себя – кажется, гость успел заметить этот взгляд. Улыбнувшись, гость посмотрел на папку:

– Это оно?

– Да.

– Вы уже его подписали?

– Еще нет.

– Когда собираетесь подписать?

Амритсингх промолчал.

– Разрешите... – Взяв протянутую папку, Бхопай небрежно пролистал томик одной рукой. Кивнул, задержав взгляд на последней странице: – Еще не подписано.

Пока Амритсингх пытался сообразить, что нужно от него Бхопай, тот, открыв кейс, достал из него примерно такую же папку. Положил перед хозяином кабинета:

– Просмотрите. – Увидев, что тот колеблется, чуть приподнял пистолет. – Просмотрите же, господин Амритсингх. Вас просят.

Придвинув к себе папку, перелистав несколько страниц и поневоле углубившись в изучение томика, Амритсингх понял: документ составлен профессионально. Папка, которую ему дал Бхопай, мало чем отличается от экспертного заключения, на создание которого у него и его помощников ушел без малого месяц.

Другим было лишь итоговое резюме, изложенное на последних страницах. Оно, в отличие от первого, где сделка одобрялась, призывало Министерство торговли Индии решительно отказаться от заключения торгового соглашения с Россией. Доводы: оружие, предлагаемое российской стороной, является некачественным и устаревшим.

Назвать эти доводы Амритсингх мог только одним сло-

вом: провокация. Ложь, причем ложь, умело замаскированная, точно рассчитанная, злостная, направленная на то, чтобы навсегда похоронить выгодную и России, и Индии сделку.

Некоторое время начальник отдела сидел, собираясь с мыслями. Он пытался понять, как людям, участвовавшим в составлении документа, удалось узнать абсолютно секретные факты, имена и цифры, повторить стиль и манеру изложения, больше того – подобрать тот же самый шрифт и ту же самую бумагу.

Закрыв папку, посмотрел на гостя:

– Я ознакомился с этим, господин Бхопаи. Что дальше?

– Дальше – вы должны подписать это заключение. Только и всего.

Подумал: он никогда не унижится до такой подлости. Никогда. Все что угодно, но предателем своей страны он не станет.

Еще раз облизав пересохшие губы, посмотрел на гостя в упор:

– Я категорически отказываюсь это подписывать.

– Не торопитесь, господин Амритсингх. Мне кажется, в конце концов вы это подпишете.

– Никогда. Можете в меня стрелять.

– Ценю ваш героизм.

Пауза, во время которой гость, улыбаясь, смотрел на хозяйина кабинета, показалась тому бесконечной. Тронув пистолет, Бхопаи добавил:

– Но подумайте – нужен ли этот героизм? Что изменится от того, что под этим документом будет поставлена ваша подпись? Да ничего.

Амритсингх молчал. Он знал, что уже принял решение. Он готов к смерти. Отпустив рукоятку пистолета, Бхопай спросил – так, будто продолжал начатую тему:

– Кстати, ваш сын Риши уже вернулся из школы?

Резко сжалось сердце, перед глазами поплыли круги. Сын... Они добрались до Риши...

– Мой сын Риши?

– Да, ваш сын Риши. Насколько я знаю, сейчас как раз время, когда ваша домработница должна привезти его из школы. Я бы на вашем месте позвонил домой. И узнал, все ли с ним в порядке.

Последних слов он не слышал... Поплыло: неужели это возможно, неужели с его Риши, маленьким, беззащитным Риши, может такое случиться...

Подняв глаза, посмотрел на гостя:

– Что вы сделали с моим сыном?

– Пока еще не знаю. Но думаю, вы поняли – все будет зависеть от вашего поведения. Надо успокоиться. Надо прийти в себя. Он просто обязан взять себя в руки.

Протянул руку к селектору – и в ту же секунду загудел зуммер. Нажал кнопку:

– Да?

Буднично прозвучавший в селекторе голос секретарши

доложил:

– Господин Амритсингх, вам звонит ваша домработница Зарина.

– Спасибо. – Нажал вторую кнопку. – Да, Зарина?

– Господин Амритсингх... Риши не у вас?

Так и есть. Риши пропал.

– Нет. Как он может быть у меня?

– Господин Амритсингх... – Голос домработницы дрожал. – Господин Амритсингх, я не знаю, что случилось с Риши...

– Где он? Ты его видела?

– Нет, господин...

– Ты опоздала?

– Нет, господин Амритсингх... Я пришла вовремя... Я спрашивала всех, но его нет...

В трубке послышались рыдания. Прерываемый спазмами голос служанки произнес:

– В-все г-говорят, что только что видели его, но его нет... Я звонила д-домой – д-дома его тоже нет... К-куда он мог д-даться?

– Откуда ты звонишь?

– Из т-телефона-автомата... В-возле школы... Господин Амритсингх, куда он мог д-даться?...

– А остальные дети?

– Д-девочки дома, а Р-риши нет... М-может быть, позвонить в полицию?

Бросив взгляд на Бхопай, он сказал:

– Никуда не звони. Возвращайся домой, я позвоню сам.

Слышишь?

– Д-да, господин...

После звонка домработницы он некоторое время сидел, разглядывая стол. Посмотрел на Бхопай:

– Хорошо, я подпишу это заключение.

– А то заключение, первое, дайте мне. – Поймав взгляд Амритсингха, Бхопай кивнул: – Давайте, давайте. Оно может сбить вас с толку. – Спрятал папку в кейс. – Подписывайте.

– Что с моим сыном?

– Подписывайте.

Взяв ручку, Амритсингх открыл последнюю страницу папки. Поставив подпись, повторил:

– Что с моим сыном?

– Как только я выйду из этого здания и сяду в машину, ваш сын будет стоять на пороге вашего дома. Но учтите, только одной вашей подписи под этим заключением мало.

– Мало?

– Конечно. Вы должны твердо и последовательно отстаивать и защищать позицию, изложенную в этом заключении.

– Защищать позицию... – Он произнес это машинально.

– Безусловно. Иначе ваша подпись ничего не будет стоить.

А чтобы это у вас получалось лучше, посмотрите. – Бхопай положил перед ним пачку фотографий.

– Что это?

– Посмотрите. При виде первой же фотографии, лежавшей сверху, Амритсингх похолодел. На ней были изображены он и Лейла.

Мельком просмотрел остальные снимки – находясь в самых интимных позах, они с Лейлой занимались любовью.

Лейла, девушка, с которой он тайком встречался уже больше года, была поздним и, без сомнения, самым сильным его увлечением. В последнее время они встречались не реже одного раза в неделю, и чем дальше заходило дело, тем больше он влюблялся в эту удивительную девушку. Ради Лейлы он был готов на все. Он все чаще и чаще подумывал о разводе с женой. Единственное, что останавливало его от этого шага, – дети.

Перебирая снимки, он ломал голову, как же этим людям удалось снять все это. Они ухитрились установить скрытую камеру, но где?...

Он знал, что это не фотомонтаж. Всмотревшись, он наконец узнал место, где все происходило. Это была квартира, уютная и не известная никому квартира в Новом Дели, которую он тайком снимал для своих встреч с Лейлой.

Не выдержав, закрыл глаза. Эти фотографии ставят под удар все. Не только его семейную жизнь, но и его отношения с Лейлой. И конечно, прежде всего они ставят под удар его карьеру.

Сложил фото вместе, посмотрел на гостя. Встретив его взгляд, Бхопай сказал:

– Фотографии можете оставить себе. – Встал, сунул пистолет за пояс. Застегнул пиджак, взял кейс. – Если будете вести себя благоразумно, о них никто больше не узнает. Можете быть уверены. И никогда ничего не случится с вашим сыном. Надеюсь, мы с вами обо всем договорились?

– Д-да... – выдавил Амритсингх. – Обо всем.

Глава 18

Седов должен был позвонить Гущину, как только окажется в аэропорту, и сейчас хотел побыстрее пройти таможенный контроль.

Он подошел к стойкам, возле которых проводили проверку документов и багажа пограничники и таможенники.

Ничего запрещенного к провозу у него в багаже не было. Правда, помимо паспорта на имя Алексея Федорова в потайном кармане его брюк был спрятан еще и паспорт на имя Седова. Но этот потайной карман он сделал сам, сделал продуманно, вшив в соседние участки брюк из жесткой парусины двойную прокладку, так что определить, где именно находится паспорт, можно было, лишь разрезав брюки на мелкие куски.

Перед ним и проверяющим паспорта прапорщиком стояли две пожилые иностранки, судя по разговору, француженки. Просмотрев их паспорта, прапорщик кивнул и отошел, уступив место стоявшему рядом капитану.

Этот трюк с переменной мест, означавший, что пограничники готовят какую-то операцию, Седов отлично знал. Подумал: неужели наводка?

Проводив взглядом француженок, капитан посмотрел на него. Взял протянутый паспорт, начал его изучать.

Седов понял: капитан изучает его паспорт слишком вни-

мательно.

Заграничный паспорт был блатным, но Хрулев, достававший его, заверил, что никаких неприятностей при проходе через контроль быть не должно. Однако блатной паспорт есть блатной паспорт, и сейчас он был готов ко всему.

Закрыв наконец паспорт, капитан посмотрел на Седова:

– Федоров Алексей Иванович, по-моему, у вас что-то не в порядке с паспортом. А?

– Не знаю, товарищ капитан. Вроде раньше все было в порядке.

– Это вы так считаете. А я нет. – Капитан сделал знак, и стоящий в стороне прапорщик тут же занял его место. Капитан же, чуть отодвинувшись, сказал: – Прошу, Федоров. Вам придется пройти вместе со мной в служебное помещение. Требуется дополнительная проверка.

Седов пошел вслед за капитаном, они остановились возле двери с надписью «КПП». Приоткрыв дверь, капитан сказал негромко:

– Захаров, прими клиента. Проходите, Федоров, проходите, не ждите. Протянув находившемуся в помещении прапорщику паспорт, сам капитан, пропустив Седова, в комнату входить не стал.

Седов оглянулся на закрывшуюся за ним дверь, посмотрел на прапорщика. Сидящий за столом пожилой пограничник со скучным видом листал его паспорт. Помимо них, в комнате никого не было. Комната была типичным помеще-

нием КПП, с плакатами на стенах и расставленными вдоль стен складными металлическими стульями. Кроме входной двери, за спиной Седова, как раз напротив стола, за которым сидел прапорщик, была еще одна дверь.

Закрыв наконец паспорт, прапорщик посмотрел на Седова:

- Где вы получали этот документ?
- Там же, где все. В районном ОВИРе.
- Вы уверены?
- Уверен.

Сказав это, Седов услышал, как за его спиной открылась дверь. В комнату вошли несколько человек, ему показалось, три, но их могло быть и больше. Поскольку этих людей он не видел, мышцы автоматически напряглись. Однако то, что это не просто опасность, а серьезная опасность, он понял слишком поздно.

Потянувшись к паспорту, он вдруг почувствовал, как два человека, схватив его сзади за руки, всей силой на них повисли. Сделав движение, чтобы освободиться, он напряг корпус, но в этот момент третий человек, явно профессионал, обнял его сзади стальным объятием за пояс. Вырываясь, Седов на какое-то мгновение обернулся – и увидел, что его держат те самые три талыша, с которыми он схлестнулся на Бутырском рынке. Четвертый талыш, кривоносый, стоял за ними, держа в руке медицинский шприц, наполненный желтоватой жидкостью. Не глядя на него, он мягко, как кошка, приноравли-

вался к его отчаянным рывкам. В конце концов ему удалось воткнуть шприц в его ягодицу. Сделав это, кривоносы́й медленно, по всем правилам, довел поршень шприца до конца. Посмотрел на него, молча улыбнулся.

Сразу же после этого лицо кривоногого с этой улыбкой стало уплывать, таять. В конце концов оно вообще пропало, слившись с охватившей его серой тьмой.

Когда он пришел в себя, то почувствовал: он висит в воздухе. Следующим ощущением была страшная боль в запястьях. Одновременно с этим осознал: у него нет никакой опоры под ногами. Сначала он никак не мог понять, почему это происходит, и лишь через несколько секунд догадался: для того чтобы была опора, он должен встать на пальцы ног. Сделав это, ощутил: кроссовок на ногах нет, он босой.

Теперь он не висел, а стоял, и, хотя положение его тела по-прежнему было зыбким, запястьям сразу же стало легче.

Попробовал двинуться – и тут же услышал звон над головой. Подняв голову, увидел: его руки закованы в жестяные кольца. Металлические цепи, к которым приварены кольца, закреплены на крюках, ввинченных в низкий потолок. При каждом его движении они чуть позвякивают.

Осмотрел себя. На нем были только брюки, все остальное было снято. Никаких повреждений в теле и никакой боли он не чувствовал. Оглядевшись, увидел лежащие на полу поодаль свои куртку, майку, кроссовки и носки. Поме-

щение, в котором он находился, напоминало тренировочный зал. Вдоль стен стояли длинные низкие скамейки, в одном из углов располагались шведская стенка и канат, на стене прямо перед ним был нарисован контур футбольных ворот с цифрами 9 в верхних углах и 6 – в нижних.

Окна помещения были занавешены простынями, сквозь них пробивался слабый дневной свет. В дальнем углу стоял небольшой стол, на нем ярким пятном выделялась зажженная лампа с зеленым абажуром. За столом в креслах сидели два талыша, одетые в черные кожаные куртки и джинсы. Судя по движениям их рук и изредка доносившимся до него словам, они играли в карты.

Некоторое время он наблюдал за ними. Подумал: они подловили его грамотно, по всем правилам. После той стычки узнать его фамилию, Федоров, им ничего не стоило. Наверняка они знали и о выкупе, который потребовал от него Заня. Сказать об этом им мог не только Заня, но и Куманьков. Без всякого сомнения, в Шереметьеве они свои люди – значит, им также ничего не стоило узнать, что он, Федоров, почти сразу же после требования Зани отдать деньги вылетел по блатному паспорту в Штаты. Зачем вылетел? Ясно зачем. За деньгами. Известно, что братва в Шереметьеве повязана вглухую и с таможенниками, и с пограничниками. За несколько тысяч баксов здесь можно заказать кого угодно. Так что для того, чтобы подловить его в помещении КПП после возвращения, им достаточно было просто встречать рей-

сы из Нью-Йорка.

В помещение вошел кривоносый. Посмотрев в его сторону, что-то сердито сказал играющим по-тальшски. Подошел к нему.

Как и товарищи, он был одет в черную кожаную куртку и джинсы.

Седов вспомнил, как всех их зовут. Кривоносого звали Таллят Ибрагимов, или Слон, двоих, которые играли в карты и сейчас тоже подошли к нему, звали Вагиф Саидов, или Сулик, и Мамед Абдуразаков, он же Мамо. Четвертого, Зейнуллы Алиева по кличке Зорик, здесь не было.

– Ну что? – сказал Слон. – Встретились?

Не дождавшись ответа, с силой ударил Седова под дых. Удар был страшным, от боли все почернело в глазах. Он понял, что уже не может стоять на кончиках пальцев, и на несколько мгновений повис на запястьях.

Снова встать на кончики пальцев он смог, лишь собрав все силы.

– Понятно, – сказал Слон. – Узнал.

Тут же, не дожидаясь ответа, с разворота ударил в лицо. Брызнули искры, в голове раздался звон, он понял, что отключается.

В себя он пришел от вкуса крови, наполнившей рот. Выплюнув ее, посмотрел на Слона:

– Что надо?

– Совсем немного, золотой. Совсем немного. – Достав из

кармана куртки карточку «Чейз Манхэттен банк» с пометкой «платиновая», поднес к его глазам: – Видишь карточку?

– Вижу.

– Нам нужно, чтобы ты назвал цифровой код к ней. Назовешь – мы тебя тут же отпускаем. Не назовешь... – Слон усмехнулся. – Ну, золотой, не назовешь – я тебе не завидую. Узнаешь такое, что в самом страшном сне не может присниться. Обещаю.

Как бы не так, подумал Седов. Пока они не знают цифрового кода к этой карточке – он будет жить. Но стоит ему назвать код, они, проверив и убедившись, что код назван правильно, тут же его прикончат.

Сплюнув остаток крови, сказал:

– Не знаю я никакого кода. Это не моя карточка. Слон поднял брови:

– Не твоя? Ну да, кто ж тебе даст платиновую карточку? Ты ее нашел, да?

– Нет, не нашел.

– Не нашел? – Взявшись за подбородок, Слон повернул его лицо к свету. – А где взял, если не нашел? Ну-ка, золотой?

– Позаимствовал.

– О... – Сказав это, Слон снова с силой ударил его под дых.

Он опять ощутил страшную боль в животе, и несколько секунд ему пришлось искать потерянную на время опору.

Дождавшись, пока он встанет, Слон улыбнулся:

– Хорошая залепуха с твоей стороны. Позаимствовал. Долго думал?

– Это не залепуха. Я в самом деле ее позаимствовал.

– Говоришь, в натуре, позаимствовал? И где ж ты ее позаимствовал? В Штатах?

– Да.

– У кого?

– Не знаю. Я в глаза ему не смотрел.

Некоторое время Слон изучал его взглядом. Наконец, чуть отступив, сказал:

– Ладно, ребята. Вмажьте ему под завязку, чтоб знал, что отвечать. Отойдя к столу, Сулик и Мамо сняли куртки, положили на кресла. Вернулись – и начали его бить.

Они били насмерть. Били неторопливо, с оттяжкой, выбирая наиболее болезненные места. Лицо сначала не трогали, били по корпусу.

Длилось это лишь до момента, пока отошедший к столу и сидящий в кресле Слон не крикнул им: «Фотка!» После этого они стали бить его по лицу. Били так же, как и по корпусу, не жалея.

Продержаться долго после этого он не смог. После одного из ударов Мамо, бывшего особенно яростно, перед глазами поплыли желтые круги. Он попытался поднять голову, и почти тут же желтые круги сменились темнотой.

Глава 19

Дерябко и Хрулев, сидя в креслах в кабинете начальника отдела, ждали, что он скажет.

Гущин, только что выслушавший доклад Хрулева, молчал. Молчание длилось достаточно долго, при этом Гущин то крутил лежащую на столе ручку, то передвигал сотовый телефон, то просто неподвижно разглядывал столешницу.

Наконец сказал:

– Черт... За это время они могли уже его убить. Хрулев покачал головой:

– Вряд ли, Виктор Александрович.

– Вряд ли?

– Да. Мне кажется, им прежде всего нужны от него деньги. Если это так, он продержится несколько дней. Точно продержится несколько дней. Убивать его в первый день они не будут.

– Может, ты и прав.

– Что, если талыши здесь вообще ни при чем? – сказал Дерябко. – И мы гоняем пустышку?

Ему долго никто не отвечал. Наконец Хрулев возразил:

– Нет, Саша, это талыши. Я видел их «додж-караван», он стоял сегодня утром у служебного входа на шереметьевском КПП. Потом я специально еще посмотрел на это место. Через час после посадки самолета машины уже не было.

– «Додж-караван» не подтверждение.

– Саша, оставь. Я только что тебе все разжевал, нет, ты опять. Виктор Александрович лично загнал меня в этот гараж, когда я начал искать трейлеры. Один из трейлеров, приписанный к Ярдымлы́нскому району Азербайджана, стоял там. Там же стоял этот зеленый «додж», номер 87–69 МОБ. Владелец – Ибрагимов Таллят Исмаилович. Что тебе еще нужно?

– Ты сам сказал: нет подтверждения, что Юру замели на КПП.

– Подтверждения нет. Но где еще его могли замести? Из самолета он вышел, стюардессы это подтвердили. А у выхода в зал ожидания, где я стоял и ждал его, он так и не появился. Шереметьевские таможенники таких вещей не практикуют, ты это знаешь. У них своя сфера. Значит, его взяли на КПП.

Гущин, не глядя на Хрулева, сказал:

– Говоришь, Кудрявцев? У погранцов?

– Да, сегодня смена капитана Кудрявцева, – подтвердил Хрулев. – Вы его знаете.

– Знаю.

– Бандюга, пробы ставить некуда. Работает на Бакинца. Хотя будет работать на любого, кто даст деньги.

– Покажи-ка мне еще раз эту бумажку из ГАИ, – сказал Гущин.

– Виктор Александрович, вот же она... – Хрулев тронул лежащую на столе бумажку. – Перед вами, на столе.

– Вижу, прости... – Гушин подтянул к себе бумажку. Прочитав, отодвинул. – Говоришь, ты видел этого постового Бодрова, старшего сержанта?

– Видел. Обычный постовой, не заинтересованный в этом деле нисколько. Таких сообщений я получил в течение дня около восьмидесяти. Сообщение Бодрова – одно из них. Врать, что он видел, как зеленый «додж-караван» с московским номером свернул у Баковки в сторону Измалковки, ему не было никакого интереса. Его запросили – он ответил. Я к нему подкатился как представитель транспортной милиции, и он сказал, что уже видел здесь раньше этот «додж-караван». Все сходится, даже то, что этот «додж» оказался там, у Баковки, будто точно по расписанию. Как раз чтоб успеть доехать туда от Шереметьева. Уверен, он встал у одного из трех мест. Или у дачи Буденного, или у дачи Руслановой, или у базы спортобщества «Локомотив». За Измалковским озером его уже никто не видел.

– Точно? – спросил Дерябко.

– Да. С гарантией. Места эти, дачи Буденного и Руслановой, а также «Локомотив», находятся довольно близко друг от друга. Определить, куда точно этот «додж» направлялся, можно минут за двадцать.

– Что собой представляет деревня Измалковка? – спросил Гушин.

– Типичная подмосковная деревня. С козами, курами и так далее. Уверяю вас, талышам там делать нечего.

– А что это за детский туберкулезный санаторий? Из которого ты черпал сведения?

– Он стоит на берегу Измалковского озера, как раз напротив деревни. Там, в этом санатории, есть одна девушка... Врач... Симпатичная... Ну... – Хрулев криво улыбнулся. – Понимаете сами, пришлось раскрутить. Я даже и не спрашивал у нее ничего, она сама все рассказала.

– Понятно. – Гущин надолго замолчал. Наконец, посмотрев на часы, сказал: – Ну что, ребята, уже семь вечера. Что бы вы предложили?

– Я бы предложил осназ, нулевой вариант, – не глядя на него, сказал Дерябко.

– Пожалуй, ты прав. Я тоже другого выхода не вижу. Помедлив, Дерябко посмотрел на Гущина:

– Сами будете разговаривать?

– Сам. Только надо узнать, что у нас там сейчас есть, кроме Москвы. Вологда? Северный Кавказ?

– Виктор Александрович, если честно – я таких вещей не помню.

– Уточни у Веретенникова.

– Сейчас. – Сняв трубку и набрав номер, Дерябко сказал: – Максим, это я. Какие на сегодня дежурные группы по осназу, будь добр? Нет, нулевой вариант? Да, нулевой... Понял. – Положил трубку. – Кроме Москвы, Вологда, Северный Кавказ и Липецк.

Глава 20

На суточное дежурство в липецких казармах частей особого назначения ГРУ при Генеральном штабе Вооруженных сил России, более известных как Липецкий осназ, эта команда, в которую входили Николай, Сергей, Владимир и Игорь, заступила в восемь вечера. Всем им еще не было тридцати, все они были прапорщиками, и за плечами у каждого было не менее десяти лет службы в ГРУ. Они входили в число мало кому известных команд нулевого варианта. Командам нулевого варианта, как особо засекреченным формированиям ГРУ, не полагалось иметь никаких названий, цифровых обозначений или еще каких-либо присваиваемых другим частям осназа отличительных знаков. Фамилии «нулеви-ков» также не подлежали распространению, их знали только непосредственные начальники. Остальные же, с кем по роду службы «нулевики» сталкивались в казармах осназа, знали лишь их имена и воинские звания.

Старшим команды, заступившей на дежурство в этот вечер, был Николай. Он был среднего роста, с коротко стриженными светлыми волосами, серыми глазами и тяжелым подбородком, что, по контрасту с маленьким носом, сразу бросалось в глаза. Лицо Сергея, худощавое, смуглое, с калмыцким разрезом глаз, было подвижным, в отличие от лица увальня Владимира, который, пытаясь скрыть следы угрей,

оставшиеся еще с поры юности, носил усы и короткую светлую бородку. Самый молодой из всех, Игорь, единственный из четверки холостяк, был высок, чуть сутуловат и отмечен хоть и тонким, но хорошо заметным шрамом, рассекавшим всю правую половину лица. Все четверо пришли на дежурство с большими, набитыми под завязку рюкзаками и в гражданской одежде.

На время дежурства команде предоставлялось помещение из двух комнат, в одной находились телевизор, компьютер и полки с книгами, в другой же, называвшейся комнатой отдыха, стояли четыре койки, на которых спать было нельзя, но можно было отдыхать. Кроме этих двух комнат, дежурное помещение располагало также туалетом и крохотной кухней, в ней едва помещались газовая плита и холодильник.

По уставу сменяться все четверо должны были в восемь вечера следующего дня, спать в течение дежурства запрещалось, однако, пока команда находилась в дежурке, каждый мог заниматься чем хотел.

Заступив на дежурство в восемь, вся четверка, оставив рюкзаки в комнате отдыха, по традиции заварила чай и устроила легкий ужин. В холодильнике имелись все необходимые продукты, тем не менее каждый выложил на стол бутерброды, пирожки и прочую снедь, заботливо приготовленную женами, а Игорь, как единственный холостяк, выставил торт, купленный в местном ларьке. После ужина, также по традиции, был брошен жребий, кому мыть посуду, и, после

того как жребий выпал Игорю, он, ворча и подшучивая по этому поводу сам над собой, начал собирать посуду.

Остальные занялись тем, чем обычно занимались на дежурстве в ожидании задания. Николай и Сергей уселись смотреть телевизор. Владимир, включив компьютер, с головой ушел в карточную компьютерную игру под названием «Солитер».

Покончив с мытьем посуды, Игорь прошел было в комнату отдыха, но долго отдыхать ему не пришлось – над дверью в дежурное помещение раздался звонок.

Николай открыл дверь. Увидев стоящего за дверью сержанта с повязкой дежурного, спросил:

– Боевая?

– Так точно, товарищ прапорщик, боевая тревога. На сборы пятнадцать минут. Просят сразу же пройти в первый отдел.

– Понял.

Сержант исчез. Осторожно закрыв дверь, Николай со значением кивнул давно уже стоящим за ним Сергею, Владимиру и Игорю. Те, ничего не спрашивая, прошли в комнату к рюкзакам. Бегло проверив их содержимое, закинули рюкзаки за плечи и вместе двинулись к хорошо известному им помещению, именовавшемуся в казармах первым отделом.

Здесь их встретил полковник, одетый в пятнистый защитный комбинезон. Пригласив сесть, спросил:

– Все готово?

– Так точно, товарищ полковник, – сказал Николай. – Все готово.

– Вылетаете через полчаса, в Москву. Самолет уже ждет.

– Ясно, товарищ полковник.

Положив на стол две фотографии, отпечатавшиеся с компьютера, полковник кивнул:

– Посмотрите. Это люди, в чье распоряжение вы поступите в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.